

Валерий Ковалев

В закрытом гарнизоне-3

(СБОРНИК РАССКАЗОВ)

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Ковалев

В закрытом гарнизоне
3. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Ковалев В. Н.

В закрытом гарнизоне 3. Сборник рассказов / В. Н. Ковалев —
«ЛитРес: Самиздат», 2000

Служба в российском подводном флоте. Дальние походы, океаны и моря.
Досуг и быт подводников. Морские соленые стихи, военно-морской
юмор. Содержит нецензурную брань.

Валерий Ковалев

В закрытом гарнизоне

3. Сборник рассказов

Сдатчики

За бортом гудит шести бальный шторм, мы сидим в отсеке и, распершись по бортам, тупо пьем на кренометр.

– Ду-ду-ду, – размеренно молотит внизу компрессор, восполняя сжатый воздух после всплытия.

Уже с час наш ракетносец болтает в Белом море, где в точке рандеву*, на борт надлежит принять очередную бригаду сдатчиков.

Сдатчики – это специалисты СМП, на котором построен крейсер, а мы – экипаж, испытывающий его в море.

– И когда уж причапает этот гребаный буксир, – недовольно басит, раскачиваясь в своем кресле у стрельбового пульта, старшина команды Олег Ксенженко.

– Хрен он придет при таком шторме, – прислушиваясь к гулу за бортом, отвечает спец правого борта Саня Порубов.

Я сижу на своем, молчу и апатично жую галету.

Внизу металлически звякает трап и в узком люке возникает мокрая фигура в канадке.

– Ну что, заскучили орелики? – ступает на палубу и стягивает с головы капюшон, наш командир БЧ, капитан-лейтенант Мыльников.

– Заскучаешь тут, – недовольно брюзжит Саня. – Болтаемся как яйца в штанах.

– Ну и матерщинник, ты Порубов, – плюхается в свое кресло Сергей Ильич. – Королев, – дай пожевать.

Я извлекаю из зашхереной банки несколько галет, кряхтя пролезаю под направляющей балкой торпедного аппарата и сую их «бычку» в руки.

– А на мостике полный абзац, – смачно хрустя, ухмыляется Сергей Ильич. – Заливает, того и гляди потонем.

– Типун вам на язык, – бурчит Олег. – Ну и шутки.

– Да это я так, для поднятия тонуса, – белозубо скалится Сергей Ильич и поочередно стягивает с себя канадку, ватные штаны и сапоги.

– Емельянов! – балансируя на палубе, наклоняется он над люком.

– Я! – глухо доносится оттуда и в проеме возникает чубатая голова в пилотке.

– На вот, посуши в компрессорной, – поочередно передает ему канадку и штаны бычок.

Оставшись в водолазном свитере и синем РБ, он снова усаживается в кресло, выщелкивает из штатива телефон и звонит штурману.

Судя по разговору, получен благоприятный прогноз, а буксир где-то на подходе.

– Так, проверить аппараты и торпеду! – поворачивается вместе с креслом бычок.

Настроение заметно улучшается, и мы принимаемся за работу.

Для начала осматривается лежащая на нижнем стеллаже правого борта практическая торпеда, с красной полосатой башкой, опоясанная бугелями, на аппаратах расхаживаются приборы установки глубины, режима и маневрирования при стрельбе, а потом в холостом режиме прогоняется ее автоматическая система.

– Все нормально, товарищ капитан-лейтенант, – вырубает Олег мерцающий экран пульта, и на нем гаснут цветные мнемосхемы.

– Интересно, как там наши деды, наверно укачало вдрызг? – усевшись на торпеду, ухмыляется Саня.

– Это вряд ли, – сопит Олег, подтягивая кремальеру верхнего люка. – У них вся корма в ракушках.

«Дедами» мы называем бригаду торпедистов-сдатчиков, которая в числе прочих должна прибыть на буксире. С ними мы работаем в заводе и болтаемся в море уже несколько месяцев и весьма сдружились. Мужики все здоровенные, в возрасте и весьма колоритные.

Бригадир – Илья Васильевич Шамин, пять лет служил комендором на крейсере, Клавдий Павлович Югов в войну был старшиной команды торпедистов на «щуке», а самый младший, которого они зовут пацаном, демобилизовался с флота лет пять назад. Шамин и Югов коренные поморы, окажут и знают все о торпедном оружии.

В море с нами идут только те сдатчики, чья техника будет испытываться на выходе.

Сейчас с нами на борту сдаточные команды гидроакустиков и радиометристов, ученые мужи из двух отраслевых «КБ» и принимающие у них комплексы, военпреды.

Всю предшествующую неделю, находясь под водой и периодически всплывая, мы устанавливали «контакты» с выполняющими роль целей эсминцем и дизельной подлодкой, а также испытывали корабельные «глаза и уши», в других режимах.

Техника отработала исправно, теперь эти сдатчики будут высажены на буксир, а мы приедем оттуда новых. Впереди «прогонка» торпедного комплекса, стрельба одиночной торпедой в ручном режиме и снятие контрольных параметров.

Перед самым обедом тишину отсеков разрывают колокола громкого боя, и следует команда «носовой швартовой подняться наверх».

– По коням! – бросает нам с Олегом Сергей Ильич, и быстренько напялив на себя сапоги, ватники и спасательные жилеты, мы спускаемся вслед за ним на нижнюю палубу.

Там к нам присоединяется трюмный Леха Емельянов, а у трапа, ведущего в центральный пост, еще двое – радиометрист и химик. Все мы похожи на пингвинов и неуклюже лезем вверх.

– В центрально следует краткий инструктаж и вся команда, поочередно исчезает в шахте люка.

В рубке сыро и собачий холод, с мостика слышны глухие команды, а между выдвижных устройств, втянув головы в воротники, дымят зажатыми в кулак сигаретами убывающие с корабля сдатчики.

– Шустрей, шустрей, сынки, что плететесь как вошь на поводке, – бросает какой-то сидящий на своей кисе остряк, и все довольно ржут.

– Не шебушись папаша, успеешь, – басит в ответ Олег, Сергей Ильич гремит внизу клинкетом рубочной двери, и внутрь врывается гул моря.

По команде бычка, цепляясь за ледяной поручень, мы перебегаем по заливаемому волнами обводу в сторону кормы, ныряем во вторую, отдраенную им дверь и сопя карабкаемся по трапу на обледенелую ракетную палубу.

Тут вовсю гуляет ветер, но шторм заметно утих и крейсер стоит лагом к волне.

С подветренной стороны, выбрасывая облачка выхлопов из труб, к нему приближается морской буксир, на палубе которого чернеет кучка людей.

– Приготовиться принять швартовы! – орет с рубки в мегафон помощник, Сергей Ильич дублирует команду, мы поднимаем пару выдвижных кнехтов и подходим к краю.

Затем буксир возникает у борта и с него летят бросательные, с прикрепленными к ним швартовыми.

Через несколько минут он надежно к нам «привязан», и с буксира подается сходня.

По ней, с чемоданчиками и сумками в руках, балансируя перебегают сдатчики, мы ловим их на палубе, весело приветствуем друг друга и спецы скользят в сторону рубки.

Затем оттуда появляются убывающие, и все повторяется в обратном порядке.

– Счастливо добраться! – лает с мостика мегафон, буксир дает несколько коротких гудков и в пляске волн лихо отваливает от борта.

– Всем вниз! – приказывает бычок и через несколько минут мы снова внутри крейсера.

Наши сдатчики уже на торпедной палубе и аккуратно раскладывают вещи на «самолетах». Это раскрепленные по бортам фанерные лежаки, с пробковыми матрацами и подушками, установленные на корабле ввиду нехватки мест в каютах.

– Ну, как добрались? – обращается к Шамину Сергей Ильич.

– Все путем, – улыбается бригадир, – правда качнуло изрядно.

После этого мы рассаживаемся кто-где, и идет обмен новостями.

Он прерывается звяком трапа и в люке возникает седая голова в фуражке.

– Внимание в отсеке! – встает Сергей Ильич, и делает шаг вперед.

– Вольно, вольно, не командовать, – звучит мягкий баритон и на палубу ступает сухонький капитан 1 ранга, в хромовых перчатках и потертом кителе.

Это военпред ВМФ, принимающий на корабле торпедный комплекс, весьма компетентный и простой в обращении человек.

– Ну, как, минеры, готовы? – поочередно пожимает он всем руки.

– Да, товарищ капитан 1 ранга, – кивают головами Мыльников и Шамин.

– В таком случае, капитан-лейтенант, прошу со мной к командиру, обсудим и уточним наши планы.

Когда офицеры уходят, из «каштана» доносится долгожданное «команде обедать!», и все кроме вахтенного, спешат в кают-компанию.

Затем снова возвращаемся в отсек, Сергей Ильич сообщает что испытательные стрельбы назначены на утро, и под руководством сдатчиков мы приступаем к их подготовке. Нам надлежит прострелять воздухом все шесть аппаратов, затем выпустить из-под воды практическую торпеду, сняв при этом необходимые параметры, которые будут занесены в формуляр.

В носовую часть отсека подносятся несколько опломбированных, загруженных на заводе ящичков, из них извлекаются контрольные приборы и монтируются на торпедных аппаратах. Затем подключается и проверяется самописец с вставленной в него бумажной лентой и выполняются другие операции.

– Порядок – констатирует утирая пот со лба Илья Васильевич и присутствующий здесь же военпред, согласно кивает.

В шесть утра мы приходим в заданный полигон у мыса Турий, на корабле объявляется боевая тревога, чмокают клапана аварийных захлопок, и он уходит в пучину.

Когда стрелка глубиномера замирает на четырехстах метрах, следует команда о прострелке аппаратов вхолостую.

Мы, каждый на своем месте, готовим их «вручную», потом поочередно открываются передние крышки, и в отсеке раз за разом ревет сжатый воздух. Затем сдатчики с военпредом снимают показания приборов, заносят их в формуляр и все повторяется в автоматическом режиме.

От высокого давления кругом морозный туман, в ушах потрескивает и голоса становятся писклявыми.

Выполнив первый этап, переходим ко второму.

В один из нижних аппаратов загружается торпеда, в нее вводятся стрельбовые данные и по команде из центрального осуществляется залп. Датчик фиксирует ее скорость выхода и срабатывание необходимых механизмов что тоже скрупулезно отражается в формуляре.

Потом следует команда на всплытие, и капитан 1 ранга, переглянувшись с Мыльниковым, дружески хлопает меня по плечу, – а ну – ка, сынок, айда с нами наверх!

В подплаве издавна существует традиция. При стрельбе практическими торпедами, для их последующего обнаружения на поверхности, наряду с сигнальщиками привлекаются торпедисты. И первый кто ее увидит, получает краткосрочный отпуск.

Традиция вполне оправданная, поскольку «изделие» стоит бешеных денег, секретное и в случае его необнаружения, по прошествии определенного времени самоликвидируется. А проще идет ко дну. Со всеми вытекающими для команды последствиями.

Через пять минут, рисуя в воображении самые радужные картины, я стою на правом обводе мостика и жадно обзираю в бинокль раскинувшееся до горизонта море.

То же самое делают командир с Мыльников и стоящий слева, мой приятель, рулевой - сигнальщик Серега Алешин.

В нескольких милях от нас, завывая турбинами, ходит переменными галсами эсминец обеспечения, а еще дальше на волнах болтается торпедолов.

Однако первым «изделие» обнаруживает стоящий на рулях боцман.

– Товарищ командир, вон она, слева по курсу, – простужено хрипит мичман, и все бинокли поворачиваются в ту сторону. В пляшущих волнах всплывает красное, и с рубки в небо взвивается сигнальная ракета.

Чуть позже к месту обнаружения подходит торпедолов, «изделие» стропят за «рым» и лебедкой поднимают на палубу.

– Алешин с Королевым, свободны, – выщелкивает командир из пачки сигарету, и на мостике сладко тянет дымком.

Мы спускаемся с Серегой, в мокрую рубку, приваливаемся к выдвижным и тоже закуриваем.

– Да не повезло нам, – глубоко затягиваясь, бормочет Серега.

– Не повезло, – вздыхаю я. – Накрылся отпуск.

Потом мы спускаемся в центральный пост, сдаем штурману бинокли и расходимся.

– Ну че, кто нашел торпеду? – интересуются в отсеке.

– Боцман, – бурчу я и стаскиваю ватник.

– Ладно, не бери, в голову, впереди еще не одни стрельбы, съездишь, – солидно изрекает Порубов, и старшина команды обещающе кивает головой.

Через час все торпедные аппараты приведены в исходное, КИПовская аппаратура помещена в ящики, и начинается обычная морская травля.

Олега, Саню и меня очень интересует, как пройдут испытания установленного на лодке, принципиально нового аварийного спасательного устройства.

Именуемое «АСУ», оно находится в десятом отсеке, представляет из себя всплывающую камеру, и призвано спасать подводников с километровой глубины.

Насколько нам известно, его первые испытания на головной лодке прошли неудачно. Когда АСУ всплыло, от помещенных туда и облаченных в легководолазное снаряжение муляжей, практически ничего не осталось.

– Илья Васильевич, а как будет сейчас? – интересуется Олег у Шамина. – Снова муляжи или запихают кого из сдатчиков?

– Снова, – утвердительно кивает тот, – но скорость подъема будет меньшей.

– Не нравится мне это АСУ, гроб с музыкой, – вздыхает Саня, и все замолкают.

Вечером, после ужина, когда Сергей Ильич заступает на вахту в центральном, по предложению сдатчиков решено отметить первые стрельбы.

Люк верхней палубы задраивается, Илья Васильевич извлекает из бригадного сундучка плоскую мельхиоровую «шилницу», соленую кумжу и стеклянную банку клюквы, а мы дополняем все это соком, корабельными галетами и палкой копченой колбасы.

Затем провозглашается необходимый тост, по кругу идет небольшая чарка, и все закуривают.

– Клавдий Павлович, а у вас в войну на лодках спирт давали? – по одной бросает в рот клюквины Саня.

– Давали, – отвечает тот. – По наркомовской норме.

– Это сколько?

– Да вот как мы сейчас приняли, соточка.

– А как было с питанием? Вы, помнится, рассказывали, что начинали в Кронштадте.

– В нем самом, – кивает седым ежиком сдатчик. – В бригаде подплава. А с питанием, ребята, у нас проблем не было. В Питере люди с голоду мерли, а флоту отдавали последнее.

– И много ваших лодок тогда погибло? – вступает в разговор Ксенженко.

– Да почитай каждая вторая, – тяжело вздыхает Югов. В Финском заливе тогда мин было, что клецок в супе. Уходили ребята на позиции и не возвращались. Такие вот дела.

В отсеке возникает тягостное молчание и слышно как на кормовой переборке тикают часы.

Клавдий Павлович, можно сказать, легендарная личность. За войну у него два ордена «Красной звезды» и медаль «Ушакова». А в прошлом году, ему одному из первых на СМП вручили орден «Октябрьской революции». При всем этом «дед» немногословен, и очень не любит когда вспоминают его заслугах.

– Ну ладно, давайте еще по одной и шабаш, – басит Илья Васильевич. После этого мы выпиваем еще по чарке, быстро закусьваем и убираем остатки пиршества.

Потом Клавдий Павлович хитро щурится, расстегивает клапан куртки и протягивает мне широкую ладонь.

На ней рубиново светится, времен войны, наградной жетон. На нем золотится Серп и молот, надпись «Отличный торпедист» и ниже торпеда с миной.

– Это мой, 42-го года, дарю, – тепло улыбается Югов.

– Мне? За что? – удивленно вскидываю я на «деда» глаза.

– Да уж очень ты похож на одного моего фронтового друга, – кашляет тот в кулак. – Сашу Гольшева, он погиб в сорок четвертом.

– Точно, похож, – кивает рыжей головой Шамин. – Я видел фотографию.

– Спасибо, – говорю я и осторожно беру жетон.

– Да, редкая вещь, – сопит у меня над ухом Ксенженко. – Я такой в Питере в музее видел. А еще через сутки, выполнив всю программу, мы швартуемся у стенки, и наши старшие товарищи покидают корабль.

С тех пор прошло немало лет. Но я и сейчас их помню. И часто рассматриваю жетон, что подарил тогда Клавдий Павлович.

Он почему-то всегда теплый.

Примечания:

СМП – Северное машиностроительное предприятие.

КисА – матросский брезентовый чемодан.

«Зашхеренные» – спрятанные (жарг.)

РБ – специальная одежда радиационной безопасности.

«Каштан» – корабельная система связи.

Бугеля – стальные крепления торпед.

Мнемосхемы – совокупность сигнальных устройств и изображений.

«Корма в ракушках» – старое флотское выражение, обозначающее опытного моряка.

«Шильница» – плоская фляга для спирта.

Галс – движение судна относительно ветра.

Пельмени

Приняв освежающий морской душ, я выхожу в предбанник, слегка промокаю себя разовым полотенцем и, усевшись на скамейку, облачаюсь в очередной комплект такого же белья, небесного цвета, с открытым воротом и короткими рукавами рубаху и просторные, до колен шорты.

«Разовыми» они называются потому, что не подлежат стирке и после употребления используются на ветошь. Это по береговой инструкции. А в море наоборот.

Белье отличного качества, из натурального хлопка, (по слухам такое же выдают космонавтам) и многие офицеры и мичмана, «придерживают» пару-тройку комплектов для последующего отпуска. Что б подарить друзьям, как предмет экзотики.

На исходе второй месяц боевого дежурства, и желанный отпуск не за горами.

А пока мы таимся в глубинах Саргассова моря, по ночам всплываем на сеансы связи и очень страдаем от жары.

До солнца две сотни метров океанской воды, но в отсеках душно, на переборках конденсат и все ходят потные. К тому же у нас уже несколько дней барахлит холодильная установка, и мясо стало припахивать.

Завершив одевание и натянув пропахшее никотином «РБ» (в лодке запахи очень прилипчивы) я отдраиваю глухую металлическую дверь, поднимаюсь на среднюю палубу ракетного отсека и направляюсь в корабельную амбулаторию, где проживаю в изоляторе вместе с доктором.

Там с подволока свисает мокрая простыня, с дующим на нее вентилятором, а у стола сидит «док», и что-то сосредоточено кропает шариковой ручкой на бумаге.

– Че, Сань, наверное о ведмеде пишешь? – невинно спрашиваю я.

Доктор у нас «ширый хохол» и многие слова произносит по украински, что вызывает бурную радость лодочных юмористов.

– Не, – вздыхает док. – Отчет, в бога його маму.

Кто в штабах придумал отчеты о плаваниях я не знаю, но писать их обязательно – бюрократии на флоте хватает.

–Ну-ну, – бормочу я и перебираюсь в смежный с амбулаторией изолятор. Там две, расположенных одна над другой койки, наподобие тех, что в купе поезда, небольшой стол-тумба, два белых платяных шкафчика и наш персональный галльон за герметичной дверью.

Я наклоняюсь к нижней, подымаю ее и звеню в рундуке* бутылками. Все пусты.

Перед походом практически все офицеры, помимо прочего, подкупают для себя ящик другой минеральной воды, поскольку та, что варят химики безвкусная, и потребляют по мере надобности.

Разочаровано крикнув, я опускаю койку и думаю, у кого может быть минералка.

У «дока» тоже кончилась и у всех моих приятелей тоже.

И тут меня осеняет – у замполита! Тем более, что накануне он приглашал меня на стаканчик. Отношения с заместителем у меня трепетные.

Дело в том, что он готовится к переводу в Москву, а с неделю назад на корабле случилось грандиозное «ЧП». Прикомандированный к экипажу матрос, пытался лишиться жизни своего непосредственного начальника. Причем демонстративно, гоняясь за ним по турбинному отсеку, с пожарным топором в руках.

Общими усилиями буяна скрутили, препроводили в каюту замполита, и тот, вместе с командиром, по возвращению решили предать его суду военного трибунала. С парнем случилась истерика, на разборку был вызван доктор, а потом несостоявшегося убийцу, под конвоем доставили ко мне для последующего дознания.

И тут выяснилось, что он подлежал демобилизации еще два месяца назад, но в своем родном экипаже насолил отцам-командирам, и по согласованию с нашими, был отправлен в автономку «для перевоспитания».

Этим вопросом вплотную занялся командир турбинной группы – недавно выпущенный из училища лейтенант, и практически все вахты, не раз бывавший в плаваниях специалист 1 класса, под душещипательные сентенции «воспитателя», черпал там соль и воду.

С учетом этого всего, состава преступления в его действиях я не нашел, матрос был профильтрован и возвращен на боевой пост, а лейтенант получил неполное служебное соответствие.

– А своему адмиралу по приходу доложишь? – осторожно поинтересовались командир с замом.

– Нет, – пообещал я. – Возьму грех на душу.

Вернувшись в амбулаторию, я выщелкиваю из штатива трубку и набираю номер зама.

– Владимир Петрович, Королев, как насчет обещанной минералки?

– Давай, заходи, – сипит трубка, – как раз посоветуемся.

– Чуешь, Валер, выдури у него бутылку, а я ее подморожу в провизионке, – слыша разговор, сглатывает слюну док.

– Постараюсь, – киваю я, и выхожу наружу.

Сзади хлопают тяжелые переборочные люки, в отсеках надоевший гул лодочной вентиляции, и парная до одури духота.

Тяжело дыша, я поднимаюсь по трапу на расположенную рядом с офицерской кают-компанией матово сияющую площадку и отодвигаю дверь замовской каюты.

В ней, сидят замполит, с помощником и о чем-то тихо беседуют.

– Давай, Николаич, присаживайся, – кивает капитан 2 ранга на расположенный напротив диванчик, затем встает, открывает небольшой лючок в обшивке и извлекает из межбортного пространства запотевшую, с розовой этикеткой бутылку.

– «Боржом», – закатывает глаза помощник и вожделенно на нее косится. Затем появляются три стакана и хозяин набулькивает в них искрящуюся пузырьками воду.

– М-м-м, – мычим мы от удовольствия и с наслаждением ее вытягиваем.

Наш помощник командира, капитан 3 ранга Паша Малько, тоже «приписной»*, я с ним был в автономке и глубоко уважаю. Паша блестящий офицер, фанатично любит море и неиссякаемый оптимизм.

Вот и сейчас, в отличие от нас он бодр, подтянут и благоухает «шипром».

– Значит так, – поворачивает в мою сторону кресло зам. – Как по твоему психологическое состояние команды?

– Не очень, Владимир Петрович, – отвечаю я, – полста суток под водой не шутка, все устали.

– Точно, – кивает рыжей головой заместитель. – А посему всех надо встряхнуть и, так сказать, придать бодрости.

– Что, снова лекции о бдительности? – настораживаюсь я.

– Не угадал, – довольно щурится кап два. – Вот мы с помощником, – кивает на Пашу, решили организовать кое-что поинтересней.

– Концерт?

– Нет, – хлопает меня по колену Малько, – коллективную лепку пельменей!

– ?!

– Ну да, и не делай большие глаза, – ухмыляется Паша. – Когда я был минером на «дизелях» и мы шесть месяцев болтались в Средиземке, с тоски всей командой принялись лепить пельмени с ламинарией, поскольку все мясо протухло. И знаешь, здорово помогло, даже смеяться начали.

– Во-во, – многозначительно поднимает вверх палец зам. – Коллективный труд, это великое дело!

– Это ж сколько пельменей надо? – почему-то начинаю я считать по пальцам

– Совсем плохой стал, – укоризненно качает головой помощник. – Две тысячи четыреста, из расчета двадцать штук на организм.

На лодках матросов, офицеры в обиходе называют по разному. В мое время, когда я служил срочную, нас звали «шлангами», на соседней – «пингвинами», а вот на этой «организмами». И все это от неистребимого флотского юмора и, как на нем говорят, для полноты ощущений.

– А заодно организуем и призы, – развивает мысль Паша. – В каждую сотню по гайке, кому попадет на зуб, тому воблу.

– Как бы того, не подавились, – с сомнением косится на него заместитель. – Ты уж согласи с доктором.

– Обязательно, – соглашается помощник, – ну, так я пошел? Озадачу интенданта.

Заместитель солидно кивает, мы остаемся одни и я ложу ему на стол бумажку.

– Это что? – разворачивает он ее и близоруко щурит глаза.

– Да так, вроде частушек, почитайте.

А слева молот, справа серп,

Это наш советский герб,

А хочешь сей, а хочешь куй,

Все равно получишь ...

– твою мать, так это ж махровая антисоветчина! – наливается он краской. – Откуда?

– Мичмана после вахты поют, в семнадцатой каюте.

– Ну, я им курвам покажу, – шипит зам. – Получают как министры и такое блядство.

Чуть позже я иду назад, с бутылкой минералки для дока и представляю, как он обрадуется.

– О, боржом! – экспрессивно восклицает Саня, изымает у меня бутылку и бережно водружает на стол. – Шас заморозим и вечером дерябнем, – потирает руки.

Я замечаю на кушетке россыпь никелированных гаечек, беру одну и с интересом рассматриваю.

– Тут заходил Паша Малько, – кивает на нее Саня, – ты в курсе, что они задумали?

– Ага, – киваю я, – в курсе.

– Что ж, психологически все верно, я лично «за». Шас продезинфицирую гайки и завтра приступим к апробации.

– А если кто подавится или проглотит, тогда чего?

– Вырежу, – решительно говорит док, и я ему верю.

Саня по специальности хирург и страдает патологической страстью ко всякого рода операциям. С год назад он удачно вырезал в море аппендикс боцману, виртуозно вскрывает скальпелем панариции и фурункулы и всегда активно ищет, на ком бы еще попрактиковаться.

– Ладно, я пошутил, – угадав мои мысли, ухмыляется док. – Если что, они выйдут сами, потому как мелкие.

После этого он извлекает из шкафа объемную зеленоватую бутылку с намалеванным на наклейке черепом с костями и надписью «spiritus us m», отливает немного в мензурку и ссыпает туда гайки.

Порядок, – бормочет он, затыкает мензурку пробкой, затем убирает бутылку, натягивает на себя куртку, с надписью «начальник медслужбы» на боевом номере и, прихватив мензурку и наш боржом, насвистывая, выходит из амбулатории.

Спустя минуту чмокает дверь и в проеме возникает КГДУ-1*, капитан-лейтенант Вася Белякин.

– Привет, Валер, ну и парилка, а где наш эскулап? – кивает на пустое кресло.

– Ушел к интенданту.

– Вечно болтается по лодке, хрен его поймашь, – недовольно брюзжит Вася.

– А что нужен?

– Ну да, хотел после вахты позагорать.

– Так в чем вопрос, давай, – киваю я на стоящий в углу кварцеватель.

Саня переступает высокий комингс, стаскивает с себя всю одежду и, увенчав лицо защитными очками, укладывается под аппаратом на кушетку.

Я щелкаю выключателем, помещение наполняется синим светом и в воздухе чувствуется характерный запах.

– Озон расщепляется, лепота – сладко зевает Вася, забрасывает руки за голову.

– Ты ж смотри, не больше десяти минут, а то сгоришь, – киваю я на висящий над столом хронометр и перебираюсь в изолятор.

– А представляешь, Валер, вот вернемся мы из автономки, сдадим лодку и двинем всем экипажем в санаторий, в Крым, – мечтательно говорит Белякин. – А там красота, синее море, пальмы и все такое. Я надену белую форму, прицеплю кортик и вечером на набережную. Закадрю самую красивую телку и в кабак. Она конечно спросит, откуда у тебя такой загар? А я – да так, отдышал на Бермудах детка. Представляешь?

– Ага, отвечаю я, – усаживаясь на койку, – представляю.

– Ну а потом... – бормочет Вася и издает могучий храп.

Я тоже зеваю, приваливаюсь к переборке и начинаю клевать носом.

Мне грезится Крым, пальмы и жующие траву телки.

– А-а-а! – нарушает тишину душераздирающий вопль, я вскакиваю, врезаюсь башкой в верхний кронштейн и впрыгиваю в амбулаторию.

В ее слепящем мареве, носится оружий Вася издавая запах пригоревшего бифштекса.

Я вырубая кварцеватель и на мгновение слепну.

Потом откуда-то возникает док, амбулатория сотрясается от матов и в его руках извивается очередной желанный пациент.

Стонущему Васе дается чарка спирту, пострадавший укладывается на кушетку и густо намазывается какой-то маслянистой гадостью.

Не ной! – сдергивает у него с глаз очки Саня, и мы заходимся в гомерическом хохоте.

Под ними два пятна незагоревшей кожи и Вася напоминает гуманоида.

– КрасавЕц! – довольно чмокает губами док, – давай топай в каюту, завтра будем делать операцию.

– Какую на хрен операцию? – пугается каплей.

– Пластическую, – значительно изрекает Саня, – давай, давай, топай.

На следующий день в старшинской кают-компании мы дружно лепим пельмени. Здесь практически все свободные от вахты, радостные и оживленные.

В центре, в громадном алюминиевом лагуне накрученный кокшей фарш из двух сортов мяса – говядины и свинины, сюда же, по мере надобности его помощниками доставляются с расположенного рядом камбуза сотни аккуратно выдавленных тонких кружков теста, на которые востовые шлепают ложечками начинку, а «док» впечатывает в каждый сотый, выкупанную в спирте гаечку.

– Хорошее дело пельмени, – топорщит казацкие усы зам, ловко залепляя очередное гастрономическое чудо. – Только чебуреки лучше. (Он родом из Баку и обожает кавказскую кухню).

– А че такое чебуреки, товарищ капитан 2 ранга? – интересуются сразу несколько моряков.

– Да те же пельмени, только вот такие, – распяливает он все пять пальцев. – И их варят в кипящем масле.

– Это ж надо, – шмыгает носом кто-то из мичманов. – Может налепим и чебуреков.

– Не, – отрицательно вертит бритой башкой кок. Там совсем другая технология.

В обед в обеих кают-компаниях то и дело раздаются взрывы смеха. Вкусившие призовой металл с гордостью демонстрируют его вестовым и те вручают счастливым желанную воблу.

Не обходится и без юморных казусов. Механик давится одним из сюрпризов и его бережно отпаивают компотом, а встревоженный интендант сообщает о перерасходе воблы.

– Ничего, не пообедаешь, – довольно изрекает командир. – На вот тебе еще одну гайку. И все весело хохочут.

Примечания:

рундук – подкочечный шкаф для хранения личных вещей на корабле.

«дизеля» – дизель-электрическая подводная лодка (жарг.)

«приписной» – офицер, мичман или матрос, приписанный к экипажу на время плавания (жарг.)

КГДУ – командир группы дистанционного управления

«кокша» – ласковое название кока на лодках. Бывает и второе, но матерное (жарг.)

Военные и Муза

Ночь. Северная Атлантика. Где-то у Азорских островов. Борт дизельной подводной лодки класса «Танго».

Из полуоткрытых дверей кают доносится разноголосый храп, убаюкивающе жужжат дроссели люминесцентных ламп, монотонно гудит корабельная вентиляция.

Изредка хлопнет переборочный люк, по стальным пайолам* шустро пробежит кто-нибудь из команды, и снова сонная тишина.

Но подвахтенные спят не все.

В лодочном медизоляторе, являющимся одновременно своеобразным морским клубом, как обычно собрались несколько офицеров. В отличие от других, предпочитающих на досуге чего-нибудь почитать, сразиться в традиционные на флоте нарды, или послушать под гитару пение доморощенных бардов, все они поклонники Музы и уединились для своего рода поэтических чтений.

Флотские тем и отличаются от сухопутных, что в значительном своем большинстве, являются неисправимыми романтиками, хотя и тщательно это скрывают.

Первый и общепризнанный, корабельный доктор и майор медицинской службы Яков Павлович Штейн, который грешит этим делом еще с лейтенантских времен, не раз публиковался во флотской «На страже Заполярья» и мечтает издать свой сборник. Все стихи у него лирические и посвящены морю.

В отличие от Штейна, второе местное «светило» – старший лейтенант Хорунжий, он же командир дивизиона живучести, пишет только юмористические пасквили, которые очень веселят команду и на пару лет задержали его продвижение в звании.

Ну, а третьим оказывается прикомандированный на поход в качестве командира БЧ-3*, капитан-лейтенант Лунев, большой поклонник Гете, и других зарубежных классиков.

Собравшись в очередной раз у «дока», так заглазно называют Яков Палыча, вся троица удобно располагается на клеенчатой кушетке и двух разножках* у штатного столика, с паря-

щим на нем в подстаканниках изготовленным по северной рецептуре пунша, включающего в себя крепко заваренный чай, с небольшим количеством сахара и ректификата.

Для начала все отхлебывают по глотку, настраиваются на лирику и слушают очередной перл Хорунжего, который комдив не так давно накропал у себя в каюте.

– Называется «Знай и умей», – обводит он всех глазами, откашливается и начинает читать, подчеркивая ритм взмахами громадного кулака.

Гальюн на лодке это дело,

Он хитро сделан и умело,

А чтобы вам туда сходить,

Все нужно толком изучить.

Как действует система слива,

Что так опасно говорлива,

И для чего в ней клапана,

Манометр, датчик и фильтра.

Когда и как педаль нажать,

Чтоб к подволоку не попасть,

В момент интимный некрасиво,

И выглядеть потом плаксиво.

Любой моряк, придя на лодку,

Обязан сразу, за два дня,

Знать все устройство гальюна,

И лишь потом ходить в моря.

Ну, а не знаешь, будет плохо,

Тебе все это выйдет боком,

На первом выходе твоём,

Ты попадешь впросак на нем!

– Ну, как для начала? – отхлебнув глоток из подстаканника, интересуется пиит.

– Да вроде ничего старшой, давай, валяй дальше, – благодушно кивает минер.

– Даю, – набирает тот в грудь воздуха

Однажды к нам с Москвы, из штаба,

Один начальник прибыл рьяный,

Второго ранга капитан,

А в поведении болван.

Молол какую-то он лажу,

Спесив был и не в меру важен,

Всем офицерам стал хамить,

Решили гостя проучить.

Хоть был москвич в высоком чине,

Не знал он свойств всех субмарины,

Ел, пил, в каюте много спал,

И в нарды с доктором играл.

хитро смотрит Хорунжий на Штейна.

– Не отрицаю, было, – скромно улыбается майор, – а почему нет? Продолжай.

Хорунжий кивает и декламирует дальше.

Но рано утром, ровно в семь,

Он нужный посещал отсек,

Где в командирском галюне,

Сидел подолгу в тишине.

Вот и решили мореманы,

Устроить с ним одну забаву,

Чтоб лучше службу понимал,
И их «салагами» не звал.

Баллон наддули в гальюне,
На два десятка атмосфер,
А все приборы «загубили»,
И вентиляцию закрыли.

Вот снова утро и на «вахту»,
Идет неспешно наш герой,
Вошел в гальюн и дверь задраил,
Стальную, плотно за собой.

Затих. Вдруг раздалось шипенье,
И в гальюне все загремело,
Затем раздался дикий крик,
И мы в отсеке в тот же миг.

Открыли дверь, там на «толчке»,
Лежит москвич, ни «бе» ни «ме»,
Весь мокрый, чем-то он воняет,
И лишь тихонечко икает.

Часа два в душе его мыли,
И уважительны с ним были,
Чтоб понял этот идиот,
Здесь не Москва – подводный флот!

с чувством заканчивает старший лейтенант и впечатывает кулак в крышку стола. Приборы с пуншем весело подсакивают, и он гордо оглядывает слушателей.

– Ну что, тут сказать, – помешивает ложечкой в своем, минер. – Мне лично понравилось. Вполне здоровый военный юмор. И рифма вроде ничего.

– Слышал свежее мнение? – толкает Хорунжий в бок доктора. – Ну, а ты что мыслишь?

– Да то же что и раньше, – саркастически улыбается Штейн. – Кончай продергивать начальство, для тебя это однажды уже хреново кончилось.

– А мне по барабану, – обижается комдив, – у нас демократия, буду продергивать, кого хочу, хотя бы того же Горбачева, мать его за ногу.

– Да-а, герой, – восхищенно тянет доктор. – Кстати, Семен Федорович, обращается он к минеру, – желаешь узнать, почему этот тридцатилетний вьюнош так и застрял в старших лейтенантах?

– Можно, если не секрет, – благодушно гудит капитан-лейтенант

– Да, ладно, Палыч, чего старое вспоминать, – прихлебывает пунш Хорунжий.

– Он имел несчастье подшутить над адмиралом, – делает круглые глаза доктор. – А ну-ка, барзописец, тисни это творенье!

– Отчего же, можно, – отвечает комдив и решительно шевелит плечами – А обозвал я его «Смерть шпионам».

– Во как! Одно название чего стоит! – поднимает вверх палец доктор.

Стоит у трапа с автоматом,

Матрос в канадке, вахту бдит,

Вдруг видит, «волга» подъезжает,

В ней хмурый адмирал сидит

декламирует первый куплет Хорунжий и у Лунева в глазах возникает смешинка.

Выходит важно из машины,

Перчаткой утирает нос,

– Ну что, ракеты погрузили?

Матросу задает вопрос.

Так точно, все давно уж в шахтах,

В ответ ему матрос сказал,

Как доложить о Вас по вахте?

Товарищ вице-адмирал.

Что ж ты дурак, мне открываешь,

Тот государственный секрет,

Вдруг я шпион, а ты болтаешь!

Промолвил адмирал в ответ.

ГромЫхнул выстрел автоматный,

Матрос наш сплюнул и сказал,

– Ты посмотри, какая сволочь,

А видом, вроде адмирал

заканчивает стихотворение старший лейтенант и победно оглядывает слушателей.

– Однако, – сдерживая улыбку, хмыкает Лунев. – Случай прямо скажу, из рук вон выходящий.

– Вот-вот, – ерзает на кушетке доктор. – То же подумали и в Особом отделе, когда кто-то притащил чекистам экземпляр этого творения, его, кстати, многие переписали. Вьюношу, – кивает он на Хорунжего, – взяли за жопу и туда. – Это, мол, идеологическая диверсия! Потом подключился политотдел и доложили командующему. Он, кстати, был вице-адмирал. Ну и зарубили шутнику очередное воинское звание. Что б служба раем не казалась.

– Даже не знаю, что и сказать, – разводит руками капитан-лейтенант. – Хотя написано забавно и чем-то походит на стихотворный анекдот. Я думаю, Евгений, тебе надо больше читать классиков, ну там Пушкина, Блока.

– Читал, – кивает Хорунжий. – Пушкин он и есть Пушкин, а вот Блок мне не понравился. Написал на его вещи пару пародий. Хотите послушать?

– Валяй.

В соседнем доме окна жолты,

Видать не моют их жильцы,

Скрипят задумчивые болты,

А с ними гайки и шпильнты

гнусаво завывает старший лейтенант и хитро поглядывает на соседей.

– Или вот, – вскакивает он с разnojки

Ночь, улица,

Фонарь, аптека,

Таблетка -

Нету человека!

и поочередно тычет пальцем в подволочный плафон, шкафчик с лекарствами и почему-то доктора.

– М-да, – переглядываются майор с капитан-лейтенантом. – Талант, несомненный талант!

– А вы думали? – солидно изрекает комдив и усаживается на жалобно скрипнувшую под ним разножку.

– Ну а теперь, Яков Павлович, давайте немного лирики, – говорит мечтательно Лунев и подливает себе пунша.

– Хорошо, – щурит выпуклые глаза Штейн, слушайте.

Где-то в Южных морях,

Каравеллы Колумба,

Синь морскую пронзая,

К горизонту летят.

И поет в парусах,

Свежий бриз, налетая,

Волны плещут за бортом,

Ванты тихо звенят.

Хорошо кораблям,

На бескрайнем просторе,

Уноситься вперед,

За свою мечтой.

Горизонт убегающий,

Ветер и море,

И в кильватере сзади,

Пенный след за кормой

заканчивает он, и все некоторое время молчат.

– Да, красиво, – нарушает первым тишину Хорунжий. – При бризе под парусом всегда здорово, одно слово, романтика. Не то, что у нас, сирых, плывем словно в валенке. А ну, давай, тисни еще

– Можно, – улыбается доктор. – Теперь про нас, – и снова читает.

Бескрайняя Атлантика, ночь, океан.

На небе мириады звезд мерцают,
Под ними лунная дорога,
Блестит, у горизонта тая.

А посреди дороги, той,
Стуча чуть слышно дизелями,
Крадется лодка, словно тень,
Покой вселенский нарушая.

Давно видать в морях она,
Покрыта рубка ржи налетом,
Погнуты стойки лееров –
Пучин таинственных работа.

В надстройке мрак и тишина,
На мостике ночная вахта,
Команда изредка слышна,
С центрального, и вниз, обратно.

Стоим у выдвижных, молчим,
Озоном дышим, жадно курим,
Как мало нужно для души,
Подводным людям.

– Хорошо, очень хорошо, – проникновенно смотрит на майора Лунев. – Чем-то напоминает морские стихи Байрона.

– Да ладно тебе, Семен Федорович, – смущается Штейн. – Куда мне до него. Почитай нам лучше что-нибудь из Гейне.

– С удовольствием, – улыбается минер, на минуту задумывается и негромким голосом декламирует

Горные вершины
Спят во тьме ночной,
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного -
Отдохнешь и ты.

– Здорово, всего несколько строк, а какая сила, – почему-то шепотом говорит Хорунжий. – Семен Федорович, а можно еще?

– Отчего же, можно, – отвечает Лунев, и в тиши изолятора снова звучат вечные стихи Гейне, Байрона и Петрарки.

Ночь. Мерцающие стрелки часов на переборке подбираются к трем.

Кругом спящая Атлантика и три военных человека с Музой.

А может так и надо?

Мечь

Лежи, лежи, Васька, – попыхивая зажатой в углу рта беломориной и щуря от дыма светлые глаза, ласково потрепал борова по сытому загривку Витька.

–Хру-хру, – сонно ответил Васька и лениво пошевелил лопухами ушей.

– Нравится, курва, – ухмыльнулся Витька, в очередной раз макнул в стоявший рядом пузырек с тушью, связанные ниткой иголки и наколол на необъятном заду борова последнюю букву.

– Лепота, – довольно поцокал он языком, и протер свое творение смазанной маслом ветошью.

«Капитан-лейтенант Пузин», жирно синела в ярком свете забранных сеткой потолочных фонарей, свежеисполненная наколка.

Такие вот дела, товарищ капитан – лейтенант, ловко отстрельнул бычок Витька в стоящий у стены обрез, и послал вслед ему на удивление точный плевков.

Вновь испеченный капитан – лейтенант снова довольно хрюкнул, тяжело перевалился набок и издал богатырский храп.

– Во-во, отдохни пока, – ласково сказал Витька и сделал небольшой глоток из стоящей рядом с пузырьком шильницы.

Не так давно старшина первой статьи Витька Бугров – весельчак, художник и балагур, служил на одной из флотилийских лодок, прошел две автономки и был на неплохом счету. Но сгубила его пагубная страсть к самоходам и прекрасному полу.

В один из субботних вечером, когда вся команда смотрела «фильму», Бугров зашел в каптерку, переделся в свою дембельскую форму, и, нацепив на рукав шинели самолично изготовленную повязку «патруль», беспрепятственно покинул, парящую в заливе плавказарму.

Через полчаса, весело напевая что-то себе под нос и любуясь сполохами играющего на небе северного сияния, лихой старшина беспрепятственно миновал КПП режимной зоны и весело заскрипел хромачами, в сторону заманчиво мигающих огней гарнизонного поселка.

Там, у синеющего в центре замерзшего озера, где под звуки музыки раскатывали на коньках смеющиеся пары, он довольно быстро познакомился с молодой смазливой дамой, муж которой болтался где – то в Атлантике, и та пригласила моряка к себе домой, скрасить ее безрадостное существование.

Затем было вино, Витька читал стихи и взапуск целовался с хозяйкой, а потом бурный секс с весьма искусной в этом деле прелестницей, завершившийся крепким здоровым сном.

Утром же, на подъеме флага, что является святым для любого военного моряка, отцы-командиры обнаружили отсутствие одного из старшин и разразились праведным гневом.

– Найти этого недоноска! Немедленно!! – разорвался перед замершим на пирсе строем, молодцеватый командир и яростно сучил ногами.

– Помощник! – заорал он на Пузина. – Берите с собой замполита, всех начальников этого лишенца и доставить его сюда живым или мертвым! На розыски час! Время пошло! – и взглянул на свои «командирские».

– Е-есть, товарищ капитан 1 ранга! – выпучил глаза Пузин и кивнул замполиту, – потопали!

Проводив взглядом рысящих в сторону КДП офицеров, командир рывкнул, – всем вниз! И сотня морских организмов загремела сапогами по трапу.

– Смир-рна!! – заголосил на надстройке перепуганный верхневахтенный в канадке и с заиндевшим автоматом, когда командирская нога ступила на узкий обвод лодки.

– Вольно, мать вашу! – пробубнил тот, исчезая в темном зеве рубочной двери.

– Кар – кар! – радостно орали вверху бакланы и орошали своим гуано черный корпус.

– У-у-у! – хрипло вторил им ревун, вползающего в узкость подводного крейсера.

– Ну, падла, зашибу, – отворачивая от жгучей поземки лицо, – хрипел рысящий впереди «розыскников помощник. – В дисбат, в дисбат этого супчика, вприпрыжку неся за ним замполит. И только механик и «комдив раз» (непосредственные начальники Бугрова), молча месили ногами хрупкий снег.

В том, что они найдут нарушителя, сомнений не было. Во все стороны от базы, на сотни километров простирались перемежающиеся тундрой сопки, с продутыми ветрами замерзшими фьордами, и самоход был возможен только в поселок.

И так бы все и осталось, как говорят «в избе», если бы на беду, офицеры не столкнулись на выходе из КПП с самим командующим.

Тот катил на персональной «Волге» в штаб, был с утра не в духе и искал, кого бы разнести.

– А ну-ка стой, – качнул он золотым позументом фуражки, и пожилой водитель, плавно остановил машину.

– Товарищи офицеры! – прорычал вице – адмирал, и вся четверка бодро зарысила к нему.

– Никак Пузин? Куда это вы спозаранку? – подозрительно оглядел евших глазами начальство офицеров.

– Так что у нас «чп», товарищ адмирал! – сразу же самозаложился замполит и, сделав шаг вперед, – вскинул к виску руку. – Вот у него, – кивнул на механика, – исчез старшина. Мы направлены на розыски.

После этого началось «избиение младенцев» и самое ласковое что проорал, дрожа щеками адмирал, было «отдам под суд, сгною», и «вы не моряки, а танкисты!!»

Затем командующий несколько успокоился, потребовал срочно направить к нему для уестествления командира, и, пробурчав на прощание «мудаки», лихо укатил в штаб, решать стратегические задачи.

– Ну и сука ж ты, замполит, – выверился на капитана 3 ранга механик. – Теперь шило будешь пить только с кипятком. И смачно харкнул в снег.

– Так, Петрович, – не обращая на него внимания, морозно выдохнул Пузин, обращаясь к бледному комдиву. Давай назад, обрадуй командира, а мы в поселок.

Потом снова хрип дыхания, перемежающиеся порывами ветра маты и секущая лицо поземка.

С помощью всезнающего гарнизонного коменданта, у которого было множество осведомителей среди офицерских жен, Бугрова нашли и повязали довольно быстро.

– Пшел! – выдал ему здоровенного пенделя помощник, Витька кубарем загремел по лестнице и через час предстал перед светлыми очами командира.

Впрочем, были они далеко не светлые (после полового акта у адмирала) и командир принялся мордовать старшину по полной программе.

– В самоходы у меня ходить! – вскочил он в центральном со своего кресла и хряп – хряп, – содрал с Витьки старшинские лычки.

– Чужих баб, трахать?! – поднес к Витькиному носу кулак. – Сгною! Старпом, пиши записку об арестовании!

Спустя еще час, облаченный в робу и распоясанную шинель с сапогами, бывший старшина, утирая сопли, понуро брел на гарнизонную гауптвахту в сопровождении безмятежно насвистывающего Пузина.

– Топай, топай, лишенец, – время от времени подгонял каплей арестованного и лапал руками болтающуюся у колен кобуру

– Однако! – ознакомившись с предъявленным ему литературным перлом старпома и выслушав короткий Пузина, восхитился помощник коменданта. – Однако! – повторил он и посадил Витьку в одиночную камеру без выводки.

А после отсидки, где Бугров немеряно занимался строевой и зубрил уставы – все в воспитательных целях, начальство посоветалось (флотские командиры орут много, но вообще-то отходчивы), решило не губить молодую жизнь и вместо дисбата списало Бугрова на бербазу. Что б служба раем не казалась. А там его, как достаточно грамотного и поднаторевшего во флотских науках, определили в свинарник, к самому мичману Осипенко. Весьма колоритной и влиятельной личности.

– Тэ-экс, встретил вновьприбывшего, сам похожий на хряка, начальник подсобного хозяйства. – Теперь у тебя будут самоходы только к чушкам, усек? – и пристально на него воззрился.

– Ага, – сглотнул застрявший в горле ком Витька и с готовностью кивнул чубатой головой.

Вечером, когда мичман, загрузив в личные «жигули» очередного молочного поросенка, убыл на банкет к очередному начальнику, местные аборигены, все как на подбор «Тофики» и «Рафики», решили прописать бывшего старшину в кубрике и надавать ему банок.

Но не тут-то было. Здоровенный турбинист раскидал всех по углам, а самому старшему прилюдно набил морду, в воспитательных так сказать целях.

Наутро об этом узнал Осипенко и тут же пригласил новичка к себе в кондейку.

– Могешь, могешь, – ласково потрепал он Витьку по плечу. – А то распустились, понимаешь азияты. Будешь у них старшим. И чуть что, сразу в морду. Оне токо это и понимают.

– В морду так в морду, – пожал плечами Витька и вплотную занялся воспитанием вверенного ему личного состава. А поскольку еще с курсантских времен знал, что работа делает из обезьяны человека, заставил пахать свободолюбивых сынов гор и степей, с подъема и до отбоя.

– Вах, какой злой натшальник, перешептывались те между собой. – Травка не курит, по маме ругаются. Сапсем шайтан, падла.

Через месяц свинарник блестел как котовы яйца, а его питомцы усиленно набирали вес и плодились.

– Могешь, могешь, – сказал мудрый Осипенко и на широких плечах Витьки снова зазолотились старшинские лычки.

Впрочем, дослуживать в свиной компании он не собирался и сразу же накатал рапорт командованию. Мол, так и так – исправился, прошу вернуть на родную лодку.

Но не тут-то было. Бумага вернулась назад с резолюцией командира «хрен тебе!».

Вот тут-то Витька и решил отомстить страшной мезтью. А поскольку в душе был романтиком, заклеил зады свиней именами любимых начальников.

Самый крупный хряк – производитель красовался наколкой «Капитан 1 ранга Охлобыстов, потом шли замполит со старпомом, и вот сегодня старшина сделал борова Ваську капитан-лейтенантом Пузиным.

– И обращаться к ним только по званию! – выстроив своих, теперь уже просвещенных азиатов напротив загородок, – ткнул старшина пальцем в хмурого Охлобыстова, которого накануне укусил приревновавший его к молодой свинке старпом.

– Понятно?!

– Точно так, насыльника! – дружно гаркнули те в ответ. – Панятна!

– То-то же, – неспешно прошелся перед коротким строем Витька. – Вольно, джигиты, разойдись.

И жизнь потекла по накатанной колее.

Днем Бугров жучил и гонял своих подчиненных, в обед вместе с ними наворачивал сочные шашлыки или отбивные, (неправда, что сыны пророка не кушают свинину. На флоте кушают и еще просят), а по вечерам валялся на койке и под гитару исполнял матерные песни про Садко заморского гостя.

А еще он любил слушать рассказываемые хачиками анекдоты. Особенно один, как их отцы делятся, где и кем служат их сыновья.

– Мой сын падыводник! – весело щури узкие глаза, певуче тянет очередной рассказчик. – В сэкрэтной части на падводе ездит.

– А Мой летчик! – изменяет он голос. – Лет ломам далбит на Сэвэре.

– Га – га- га! – весело смеются слушатели и Витька вместе с ними.

Но все хорошее, когда – нибудь, да кончается.

Кончилась и служба «бугра», так его звали матросы, на подходе.

В славную своими делами базу, нагрязнула высокая комиссия из Генштаба. Так сказать, для распространения опыта.

Сухопутных генералов покатали на подводном крейсере, показали им так любимый строевой смотр, тумбочки и кровати в казармах, ну, и как водится, один из лучших в Вооруженных силах подхоз, с теплицами и оранжереей.

А когда довольные проверяющие, под армянский коньяк, в одной из оранжерей с цветущими орхидеями похряпали зеленого лучка и огурчиков, зажевывая их нежными эскалопами и признали, что не только Соловецкие монахи могли выращивать такую благодать, сам командующий сопроводил их в блистающий чистотой свинарник.

– Щелк, щелк, щелк, – заклацал блицем своего фотоаппарата, прихваченный по такому случаю корреспондент «Красной Звезды». Такие снимки!

А потом один из генералов наклонился к ближайшей загородке и громко прочитал на спине с любопытством уставившегося на него хряка «Капитан 1 ранга Охлобыстов!»

Ну, дальше была немая сцена, как в гоголевском «Ревизоре». С той лишь разницей, что она быстро превратилась в озвученную. И с весьма колоритными выражениями. Приводить их я не буду.

Следующее утро Витька встречал на жестком самолете* гауптвахты

– Да и хрен с вами, – сладко потягивается он, глядя в зарешеченное окошко.

– До ДМБ всего ничего. Вон и с крыши уже капает.

Примечания:

Обрез – обрезанная наполовину металлическая бочка, исполняющая роль урны.

Шильница – плоская морская фляга для ношения спирта.

Фильма – он же фильм (жарг.)

Самоход – самовольная отлучка (жарг.)

Режимная зона – зона радиационной опасности, в которой стоят атомные подводные лодки.

КДП – контрольно-дозиметрический пункт.

Комдив раз – командир дивизиона движения (жарг.)

Шило – лодочный ректифицированный спирт (жарг.)

Спич – короткая проникновенная речь. Культивируется у офицеров флота

День Нептуна

Третий месяц крейсерская подводная лодка Северного флота по натовской классификации «Танго», находится на боевом патрулировании в Северной Атлантике.

Днем, неслышной тенью она скользит в пучинах, а по ночам всплывает для вентилирования отсеков и подзарядки аккумуляторов.

Допущенные в рубку счастливицы, напиваясь в ней до одурения сигаретным дымом, мечтательно взирают на висящий в бездонном небе золотистый диск луны и мохнато мерцающие оттуда звезды.

Потом грохот дизелей и вой отсечной вентиляции разом замирают, кругом слышна все-ленская тишина, нарушаемая командой вахтенного офицера «Всем вниз! Срочное погружение!

Часы сменяются сутками, сутки неделями.

При подходе к экватору температура воды за бортом достигает двадцати восьми градусов, и солнечные лучи падают практически отвесно. Бескрайняя гладь океана пустынна, и лодка кажется затерянной в нем песчинкой.

Теперь практически все время она идет в надводном положении, и счетчик лага* исправно отсчитывает оставленные позади мили.

По ночам, когда в усеянном мириадами звезд небе появляется круглая луна, свободные от вахты выбирают из душных отсеков и с разрешения командира располагаются на кормовой надстройке, наслаждаясь свежим воздухом и ночным бризом. В нем порой возникают неведомо откуда прилетевшие запахи травы и цветом и морякам снова хочется видеть землю.

В один из дней в дверь каюты командира корабля Туровера раздается стук, она плавно отъезжает в сторону и на пороге возникают старпом Котов с помощником Майским.

– С чем пришли? Присаживайтесь, – кивает капитан 2 ранга на диван и вопросительно на них смотрит.

– Послушайте, Иван Васильевич, вы пересекали раньше экватор? – усевшись, вытягивает длинные ноги Майский.

– Нет, – отвечает Туровер. – Не доводилось.

– И я тоже, – улыбается помощник. – А вот Глеб Романович, – кивает на старпома, здесь бывал и предлагает устроить праздник.

– Ну да, так сказать соблюсти традицию, – делает значительное лицо Котов. – Я тут поговорил с командой, на экваторе были только механик, кок и наш замполит Лисицын.

– Кок? Интересно, а я и не знал, – высоко вскидывает брови Туровер. – Так говорите соблюсти традицию? Ну что же, я за, тем более, что она морская. Кто займется организацией?

– Мы с Лисицыным, – хлопает себя по колену старпом. – Как уже крещеные.

– Ну-ну, валяйте, – согласно кивает командир. Только я слышал там предусмотрено купание, так с этим поосторожней, кого-нибудь не утопите.

– Обижаете, – делает начальственное лицо Майский, и депутация величаво удаляется.

С этого момента на корабле начинаются активные приготовления к празднику.

Боцман со штурманом и интендантом выделяют местным умельцам паклю, ветошь цветные карандаши и краски, механики колдуют над изготовлением царственных атрибутов Нептуна, а Котов, с Майским и Лисицыным уединяются в каюте и разрабатывают сценарий действия.

Его решено организовать в точке пересечения нулевого меридиана и, как говорят, по полной программе.

В эту точку, расположенную над разломом Романш*, «Танго» приходит на восходе солнца, о чем штурман экспрессивно оповещает всех по боевой трансляции. Потом на палубу выбирается боцкоманда и готовит надстройку к празднику.

Для этих целей в кормовой части субмарины вооружаются леера*, на палубу выносятся разножка для командира и пара картонных ящичков, а к одной из швартовых уток, боцман крепит пеньковый штерт* с прикрепленным к нему брезентовым ведром.

Потом звучат колокола громкого боя, и все свободные от вахты приглашаются наверх для встречи Нептуна.

– Весело переговариваясь и подталкивая друг друга, бледные от долгого плавания подводники поднимаются по шахте входного люка в рубку, затем звенят тапочками по трапу вниз, выбираются из узкой двери на палубу и разбегаются вдоль лееров. Чуть позже оттуда же появляется командир и торжественно усаживается на разножку.

Вслед за этим старпом, обращается к зрителям и сообщает, что в связи с пересечением экватора, на корабль прибыл морской царь Нептун.

– Ура!! – восторженно орут моряки, и парящий в небе фрегат*, взмывает еще выше.

Одновременно с этим в корме щелкает люк седьмого и оттуда неспешно выбирается Нептун, в сопровождении многочисленной свиты. На нем ослепительно сияющая, сооруженная из картона и фольги корона, на мощном торсе рыбачья сеть, а в руке трезубец. За повелителем морей, кривляясь и корча рожи, следуют две, с кудельными волосами, довольно смазливые русалки, несколько, с подбитыми глазами пиратов и другая морская нечисть.

Остановившись перед командиром, Нептун вскидывает вверх трезубец, наступает тишина и он вопрошает, что это корабль и куда следует.

– Сие судно потаенное, – встает с разножки Туровер. – Флота российского, а идет по служебной надобности.

Этот ответ царя вполне устраивает, морской владыка величаво кивает и, приняв подношения в виде двух ящичков со сгущенкой и воблой, разрешает команде плыть дальше.

Затем начинается процесс крещения, командир окропляется забортной водой, а всем остальным пираты опрокидывают на голову, по целому ведру. На палубе хохот, свист и улюлюканье.

– Ну а теперь, ваше величество, я приглашаю всех на пир, – говорит улыбающийся Туровер Нептуну и делает жест в сторону рубки.

Однако продолжить торжество не удается.

– Товарищ командир! – орет с мостика вахтенный офицер. – Метристы* фиксируют приближающуюся к нам воздушную цель! Дальность двадцать, высота пять!

– Всем вниз! – приказывает командир и через минуту палуба пустеет.

Покинув ее последним, капитан 2 ранга гремит клинкетом рубочной двери, потом раздается щелчок задраиваемого люка и субмарина уходит под воду.

– Глубина тридцать метров, осмотреться в отсеках! – разносится по боевой трансляции.

– БИП*, цель удаляется к западу, – следует доклад вахтенного радиометриста.

– Есть, – бросает Туровер, лодка подвсплывает, и наверх скользит штанга перископа.

– Что за черт?! – отшатывается командир от окуляра. Сверху, в объективе перископа мигает огромный выпученный глаз.

– Твою мать, – шипит Туровер впечатывая лицо в пористую резину. – Боцман, срочное всплытие!

Когда старпом с помощником, отбросив тяжелую крышку люка, вламываются в мокрую рубку, в шпигатах которой еще бурлит вода, там, уцепившись за палубную рыбину* лежит хрипящий кок, извергающий из глотки что-то мутное.

– Тарас Юрьевич ты?! – обалдело переглядываются они, затем срывают с переборки бросательный, засупонивают мичмана подмышки и с криком, – принимайте! – бережно опускают вниз.

Спустя полчаса, докрасна растертый спиртом, и принявший изрядную порцию внутрь, кок Хлебойко рассказывает в изоляторе командиру с доктором, что с ним случилось.

Оказывается, приготовив для команды праздничный обед и одурев от жары на камбузе, он решил освежиться, поднялся в рубку и присел там перекурить между выдвигаемыми устройствами.

– Ну а потом меня разморило и я того, задремал, – испуганно косится кок на Туровера. – А очнулся от звона крышки задраенного люка и тут же рванул к ней. Но не успел, лодка стала погружаться, и я сиганул через обвод мостика за борт.

– Молодец, профессиональные рефлексy в порядке, – уважительно говорит доктор, капитан Штейн.

– Вслед за этим я, значит, отплыл в сторону, – продолжает заплетающимся языком Хлебойко, чтоб не затянуло в воронку, а как только наверх выткнулся перископ, сразу погреб к нему и уцепился за головку.

– М-да, в рубашке ты родился мичман, – сдерживает смех Туровер, вспоминая глаз кока в окуляре. – Ладно, давай отдыхай, команду накормят без тебя.

– Спасибо, товарищ командир, – бормочет кок, и изолятор наполняется богатырским храпом.

– Вот что значит старая школа, – говорит в кают-компании Майский, когда все поглощают праздничный обед и обсуждают чудесное спасение кока. – Другой бы на его месте обделался, а Юрьевич шалишь, боролся за живучесть до последнего!

– Это точно, – пластает жесткий бифштекс ножом Котов. – Наш кок начинал еще на «эсках»*, и у него за кормой два десятка автономок.

– Интересно, а откуда взялся этот гребаный «Орион»? – интересуется кто-то из офицеров и все смотрят на штурмана.

– Не иначе с острова Вознесения, – чуть подумав, отвечает Мельников. – Там американская военно-морская база Кэт Хилл.

– Натыкали курвы их по всему миру, – недовольно цедит минер, – поднять бы ее на воздух.

Потом скучный голос вахтенного офицера объявляет о заступлении очередной вахты. Боевое патрулирование продолжается.

Морской словарь:

Лаг – корабельный прибор измерения скорости.

Разлом Романш – подводный разлом океанского дна у Африканского континента.

Леера – съемное ограждение палубы.

Штерт – пеньковая веревка.

Фрегат – в данном случае, крупная морская птица.

Метрист – специалист радио – метрической службы.

БИП – боевой информационный пост.

«Орион» – морской разведывательный самолет НАТО.

«эска» – средняя дизель-электрическая подводная лодка.

ПДСС

Над Кольской землей полярное лето.

Серебристого цвета шар солнца круглые сутки бродит по небу, окрашивая в причудливые тона угрюмые фьорды, высящиеся над ними сопки и искрящееся марево далеких тундр.

По астрономическому времени полночь.

Сонно шуршит отлив, с берега наносит запахом йода, на застывшей водной глади сонно покачиваются островки уснувших чаек.

На пятом этаже высящейся на выходе из залива казармы, в одной из холостяцких кают «припухает» компания мичманов.

Воздух сиз от табачного дыма, на столе корабельный графин с «шилом», несколько распатроненных банок тушенки «братская могила» алюминиевая миска с моченой клюквой и нарезанный крупными ломтями кирпич черняшки.

– Ну, за тех, кто в море! – зажав в волосатой лапе наполненный на треть граненый стакан, гудит здоровенный старшина команды торпедистов Олег Ксенженко, и в него звякают еще три.

Спирт пьют по – поморски, не разбавляя водой и закусывая алой клюквой.

– Уф-ф! – по моржовьи выдувает из-под усов краснорожий старшина команды ракетчиков Виктор Каламбет и отправляет в рот насаженный на конец финки, золотистый шмат тушенки.

– Словно боженька голыми ножками по душе пробежал, – сипит, высосав свой стакан, второй торпедист – Саня Порубов и тянется цепкими пальцами к Москве с клюквой.

Четвертый участник честной компании, боцман Василий Муромцев, завершив действие, молча шурит рысьи глаза, прислушивается к чему-то внутри себя, потом крикает и с удовольствием нюхает ноздреватый ломоть хлеба.

– Ну, и че с тем жмуром? – продолжая прерванную травлю, дует ракетчик в мундштук выщелкнутой из пачки беломорины, потом прикусывает мундштук и щелкает зипповской зажигалкой.

– Да ничего, – пожимает широченными плечами Ксенженко, – приехал командующий с начштабом, прокурором и начальником особого отдела, составили как положено акт, а потом того парня на разъездном катере отправили в штаб флота.

– Оживлять, что ли? – наваливается на стол боцман.

– Что б потом передать американскому морскому атташе в Мурманске, Вася – наклоняется к боцману Порубов. – Это ж международное дело! – тычет он пальцем в потолок и делает страшные глаза.

– Ну, давайте за упокой его души, – жует беломорину ракетчик и снова тянется за графином.

В этот раз пьют молча, хмурятся и, закусывая, тяжело ворочают челюстями.

Накануне, с утренним приливом, с моря в базу занесло утопленника. Был он в надувном оранжевом жилете, американской морской униформе и с выклеванными чайками глазами.

Первым труп заметил верхневахтенный одной из лодок, находку быстренько извлекли из воды, и Ксенженко принимал в том участие.

– М-да, – тоже закуривает боцман. – В нашем Баренцевом долго не поплаваешь. И откуда, интересно, он взялся?

– А то ты не знаешь, – криво улыбается ракетчик. – Мы пасемся у ихних берегов, ну а они у наших. Помните, с год назад неподалеку от Западной Лицы «овровцы» засекли перископ? Чья то была лодка так и не установили, но что не наша, факт.

– Это точно, – кивает русым чубом Порубов. – Наверное и тот америкос с такой. Смыло где-нибудь при всплытии в море и каюк.

Некоторое время все молчат и тупо пялятся в большое, широко распахнутое окно.

За ним спящий залив, застывшие у пирсов черные туши ракетноносцев и редкие всплески створного огня, установленного на треноге на небольшом островке рядом с фарватером. А несколько дальше, к выходу, за закрытым боновым ограждением, неподвижно застывший на воде серый тральщик брандвахты.

– А я слышал на лекции от нашего флагманского врача, что в ту войну моряки с северных конвоев, когда их торпедировали немцы, даже летом помирали в воде через пять минут, от переохлаждения, – значительно говорит боцман и обводит всех глазами.

– Херня все это, – басит Ксенженко. – Я, например, продержусь хоть час. – Хочешь на спор, сплаваю к тому вон створу – кивает на снова мигнувший за окном металлический проблеск, – и вернусь назад.

– А че, давай? – флегматично кивает бритой башкой ракетчик. – Спорим, – и протягивает минеру руку.

– На что? – медведем наваливается тот на стол и азартно блестит глазами.

– Твоя «Омега», – кивает ракетчик на золотой, виднеющийся из-под обшлага кителя Олега браслет, – против моей «гайки». И любовно дышит на нацепленный на палец литой перстень.

– Идет, – скрипит стулом Ксенженко и две руки сцепляются в традиционном жесте.

– А может не надо, а Олег? – нерешительно говорит Порубов. – Потонешь нахрен.

– Надо Шура, надо, – хлопает приятеля по плечу Ксенженко. – А ну плесни еще по лампадке!

Вся компания оживляется, слышатся довольное кряканье, сопенье и хруст потрескивающей на зубах клюквы.

А через десять минут, заперев дверь каюты, вся четверка целеустремленно топает через матросский кубрик, в котором в синем свете храпит команда ракетноносца, в сторону выхода.

Там ракетчик, стоящий ответственным дежурным, дает леща задремавшему у тумбочки дневальному, и вся компания гремит ботинками по крутым маршам лестницы.

Раскинувшийся на берегу залива казарменный городок спит здоровым сном, только где-то далеко в сопках чуть слышно жужжат бульдозеры, да по горному, тянущемуся слева серпантину, изредка беззвучно проплывают тяжело груженные базальтом «камазы» военных строителей. Там создается подземное, для лодок, укрытие.

Обойдя казарму с тыла и оскальзываясь на розоватом мхе, искатели приключений спускаются меж замшелых валунов к самому урезу воды, там Ксенженко разоблачается и со словами «готовь гайку!» монолитно входит в отлив.

– Хорошо пошел, – ежится от ночной свежести боцман, наблюдая за исчезающим в легком тумане мускулистым телом. – Туда точно доплывет.

– А то, – протяжно зевает Порубов. – Тут всего – то метров двести, а Олег в прошлом призер Балтфлота. – Готовь, пушкарь, свою «гайку».

– Еще посмотрим, – недовольно бурчит ракетчик, присаживается на корточки и щупает ладонью прозрачную воду. – Холодная, курва!

... Хреново стоять на брандвахте. И не на берегу и не в море. На тральце сыро, холодно и скушно.

Основная задача – разводка бонового заграждения при выходе подводных лодок на боевую службу и наблюдение за водной акваторией.

Выйдя из боевой рубки, на стылую палубу, помдеж по кораблю старшина 1 статьи Гуляев привычно отстегивает клапан на штанах робы, пускает за борт упругую струю, а потом топает «подышать» на ют.

Дососав зажатую в кулаке «приму» до губ (на берег не списывали уже неделю и курево на исходе), он ловко отщелкивает бычок в стаю дремлющих неподалеку бакланов, и привычно озирает надоевшую до блевотины акваторию.

В следующее мгновение его глаза выкатываются из орбит и челюсть непроизвольно отвисает. На далеком островке со створным знаком возникает какая-то неясная фигура, рысит вокруг треноги и беззвучно исчезает в воде.

– ПДСС, твою мать... – шепчет побелевшими губами старшина и с воплем «Тревога!!» гремит ботинками по скользкой палубе в сторону рубки.

Через несколько минут тральщик оживает, на нем гремят колокола громкого боя и в светлое небо взлетает серия ракет. Потом за его кормой вскипает молочный бурун, и, набирая ход, корабль несется в сторону островка.

... Давай Олег, давай! – сучат ногами на берегу перепуганные зрители, подхватывают выбредшего из воды синего Ксенженко под микитки, и, на ходу напяливая на него шмотки, дружно рысят в сторону от берега.

А в базе уже гудит ревун, в казармах вспыхивают многочисленные окна и из дверей в сторону режимной зоны, вываливают первые толпы поднятых по тревоге.

Весь остаток ночи вокруг мрачных тел ракетносцев в воде хлопают швыряемые вахтой за борт взрывпакеты, вспучиваются пузыри выстреливаемого туда ВВД, а по заливу носятся катера ОБРА, с вооруженными до зубов группами захвата, отыскивая замеченного бдительным старшиной подводного диверсанта.

Но так и не находят. Не иначе утоп, сука.

Примечания:

- черняшка – (ржаной хлеб) жарг.
- жмур, жмурик – (покойник) жарг.
- ОВР – подразделение охраны водного района в базах и соединениях.
- тралец (тральщик) жарг.
- ВВД – воздух высокого давления, до 400 атмосфер. Используется как одно из средств борьбы с подводными диверсантами.
- Брандвахта – корабельная вахта на входах в военно-морские базы и закрытые рейды.
- Боновое ограждение – специальное пловучее устройство, (металлическая сеть с буями) ограничивающее проникновение в базу вражеских подлодок и ПДСС.

В полигоне

Стоящее в зените солнце шлет свои яркие лучи на сверкающую безбрежность моря. У горизонта оно сливается с небом и порождает ощущение бесконечности.

Тихо постукивая дизелями и попыхивая синеватыми выхлопами перегоревшего соляра, по морю переменными галсами*, с раннего утра бродит средний рыболовецкий траулер.

– Да, Петрович, – недовольно зудит стоящий рядом с капитаном боцман. – Это не улов, а слезы, – и кивает на работающих в корме матросов, выбирающих из сети рыбу.

– Не то слово, – жуя мундштук беломорины, соглашается с ним капитан, сокрушенно крикает и приказывает готовиться к следующему замету.

Судно снова набирает ход, сеть в очередной раз опускается за борт и тралит холодные глубины Баренцева моря. Потом наступает время обеда, и все свободные от вахты, стащив с себя прорезиненные робы, собираются в тесной кают-компании.

– Чем сегодня кормишь, Серега? – усевшись на узкий диванчик, интересуется у кока механик и, взяв со стола кусок хлеба, густо намазывает его горчицей.

– На первое консервированный борщ, на второе пюре из сухой картошки и чай – недовольно бубнит кок.

– Ты Серега того, сготовил бы чего путного, а то все консервы да сухая картошка, надоело, – хмуро говорит один из матросов и отодвигает от себя алюминиевую миску.

– Ага, – поддерживают его остальные, кормишь какой-то хренью, уже в рот не лезет.

– Что осталось в провизионке, тем и кормлю! – делает зверскую рожу кок. – Мы уже три недели в море, остались только консервированный борщ и сухая картошка.

Все тяжело вздыхают и вопросительно смотрят на капитана. Тот, сидя во главе стола, невозмутимо хлебает из миски и хмурит густые брови.

– Иван Петрович, – в наступившей тишине нерешительно произносит помощник. – А может того, смотаемся на базу, догрузим свежих продуктов и снова вернемся?

Сутки туда, сутки обратно, всего и делов.

– Давай второе, – отодвинув от себя миску, бросает Сереге капитан. – Никаких баз, пока не возьмем груз, понятно? – и обводит тяжелым взглядом кают-компанию.

– Понятно, – после долгого молчания отвечает за всех боцман, на этом обед заканчивается, и все решительно лезут наверх.

– Слышь, Петрович, – говорит помощник капитану, когда они взбираются на мостик и закуривают. – А может все – таки рискнем и пойдем к Черным камням? Там рыба точно есть.

– Все верно, Алексей, рыба там имеется, – сосет тот зажатую в кулаке беломорину. – Но ты ж знаешь, что этот квадрат временно закрыт, там у вояк какие-то учения.

– А у этих героев всегда учения, швырнув за борт окурок, – недовольно брюзжит помощник. – Ползают курвы по дну, рыбу пугают.

– Не скажите, Алексей Андреевич, – басит от штурвала рулевой. – Я сам служил на лодках, и ничего они не пугают.

– Может и так, – легко, соглашается помощник. – Но все равно ползают.

Все это время капитан морщит лоб, пучит глаза в промысловую карту, а потом приказывает рулевому изменить курс и идти к Черным камням.

– Попробуем у самой кромки закрытого квадрата, – решает он. – Но заходить туда не будем. А то помнишь, что было с 49-м? – оборачивается он к помощнику.

– Еще бы, – отзывается тот. – Конечно помню.

С год назад, средний рыболовецкий траулер СРТ – 49, где капитанствовал их приятель Виктор Лебедев, проболтавшись неделю в море и не обнаружив ни одного стоящего косяка, решил «по тихому» зайти в такой вот, закрытый для мореплавания квадрат и попытаться счастья. В результате его траулер едва не накрыла серия свалившихся откуда-то ракет и, потеряв трал, они едва выбрались с проклятого места.

Спустя час, придя в заданную точку, капитан с помощником уточнили необходимый курс и траулер, выкладывая в море сеть, пошел вдоль кромки закрытого квадрата.

Почти сразу же дело пошло на лад и один удачный замет следовал за другим.

– Вот она, где рыбка – то, – довольно потирает руки боцман, подгоняя веселыми матерками палубную команду. – Давай, шевелись, мухобой!

Внезапно слева по курсу, на расстоянии чуть больше кабельтова, море с ревом пучится, высоко в небо взлетают каскады воды, и из них рождается черная туша подводного ракетноносца.

– Право руля! Стоп машина! – вопит огорошенный капитан, а палубная команда застывает в ступоре.

– Ну и дура, – хрипит в наступившей тишине тралмейстер, а кто-то из матросов испуганно матерится.

Между тем на высокой рубке возникают две темные фигуры, затем в руках одной взблескивает металл и что-то гулко щелкает.

– Эй, на траулере, рыба есть!? – орет усиленный мегафоном голос.

По кивку капитана помощник выщелкает из штатива свой

– Есть! А в чем дело?!

– Предлагаем обмен! Вы нам рыбы, а мы вам паек подводников! – весело гавкают с лодки.

– Ну как, Петрович, соглашаемся? – отведя руку с мегафоном в сторону, косится на капитана помощник.

– Соглашайтесь, Иван Петрович, – вякает от штурвала рулевой. – Паек и них что надо, сам три года жрал.

– Три года говоришь? Молодца, – весело щурит глаза капитан. – Ну что ж, в таком случае добро, меняемся.

– Согласны! – с воодушевлением вопит в мегафон помощник и приказывает боцману организовать обмен.

Спустя непродолжительное время от борта траулера отваливает шлюпка и направляется в сторону чернеющей неподалеку громадины. В шлюпке боцман, два моряка и несколько рогожных мешков, доверху набитых отборной треской.

– Навались! – в такт гребкам взмахивает рукой боцман, и длинные весла пенят воду.

А на узком обводе лодки их уже ждут три облаченных в оранжевые жилеты подводника, у ног которых стоят несколько картонных ящиков.

Когда шлюпка приближается к выпуклому борту, с него в воду опускают шторм-трап* и мешки поднимаются на лодку, а ящики опускаются в шлюпку.

– Ну, бывайте! – отпихивается боцман веслом от борта, и шлюпка скользит в сторону траулера.

Когда ее поднимают на палубу, на лодке тоскливо взрывает ревун, затем она вздрагивает, слышится рев врывающейся в шпигаты воды и через пару минут на том месте вращается громадная воронка.

– М-да, провалились как черти в преисподнюю, – чешет затылок помощник, а капитан приказывает дать ход.

Вечером, когда на небе зажигаются первые звезды, тяжело осевший в воде траулер берет курс на базу.

В кают-компании ужин и все довольны. Из полученных по бартеру продуктов кок сварганил наваристый суп-харчо, обильно сдобренные душистой тушенкой макароны и сладкое донельзя какао.

– А неплохие парни эти подводники, хоть и вояки, опорожнив вторую кружку ароматного напитка, с чувством говорит помощник. – А Петрович? – и бросает вопросительный взгляд на капитана.

Тот молча кивает и задумчиво смотрит в отдраенный иллюминатор.

За ним мирно дышит северное море.

Гарсуны

Отражаясь в воде, утреннее солнце скачет зайчиками по выкрашенному слоновкой* подволоку, в отдраенные иллюминаторы вливается свежий запах моря, легкий ветерок чуть колыхает раздернутые на них занавеси.

Мы с Витькой сидим в офицерской кают-компании плавбазы «Иртыш» и предаемся безделью. Приятель наяривает на пианино «собачий вальс», а я, развалившись на кожаном диване, лениво попыхиваю сигаретой и в такт музыке покачиваю ногой.

Уже почти месяц, как помощник командира капитан-лейтенант Колбунов снял нас с лодочной вахты в заводе и определил «гарсунами»* в эту самую кают-компанию.

Сначала мы, было, заартачились – негоже нам, служащим по второму году и классным специалистам выступать в роли холуев-официантов, но Михал Иваныч в качестве альтернативы предложил гарнизонную гауптвахту и мы быстро согласились.

На следующее утро, после осмотра корабельным врачом, облаченные в накрахмаленные белые курточки мы уже шустро рысили по кают-компани, обнося завтракающих там отцов-командиров положенными им закусками, соком и горячим кофе.

– Молодца, хорошо шустрите, – довольно изрек сидящий за длинным столом справа от командира помощник и щелкнул пальцами – еще кофе!

Затем были обед с ужином, которые тоже казались необременительными и мы с Витькой поняли, что попали «в струю».

Во-первых, рано утром не надо выпрыгивать из подвесных коек и бежать обязательный в ВМФ трехкилометровый кросс. Вместо этого мы неспешно вставали и с деловым видом направлялись досыпать в примыкавшую к кают-компани «гарсунку»*.

Во-вторых, в силу солидности определенного Главкомом морского офицерского пайка, который последними съедался далеко не полностью, в нашем распоряжении ежедневно оставались всяческие деликатесы, вроде сливочного масла, копченой колбасы, соков, меда и печенья, служившие хорошим подспорьем для двух растущих организмов, а также значительно повысившим наш рейтинг среди сослуживцев.

И, наконец, в третьих, что было самым главным, мы получили дополнительную возможность схода на берег, манящий к себе желанной свободой и всяческими приключениями.

На этом достоинстве следует остановиться дополнительно.

Тот, кто служил, знает, как приятно получить увольнительный билет, облачиться в парадно-выходную форму, с чувством собственного достоинства выйти за КПП части и окунуться в море желаний и искусств.

Можно сходить в кино или на танцы, приударить за местными девчатами, немного выпить и для полноты ощущений подраться с гражданскими или представителями других родов войск. Короче, можно много чего.

После заваленного снегами заполярного гарнизона, откуда мы прибыли в Северодвинск, нас увольняли регулярно, но хотелось еще и еще.

И вот теперь у нас с Витькой такая возможность появилась.

Дело в том, что по давно существующей на флоте традиции, в офицерской кают-компани всегда имеется старший, который всячески улучшает ее повседневный рацион. Делается это в интересах питающихся, которые отчисляют в «общий котел» известные суммы.

На них приобретаются минеральная вода «Нарзан» или «Боржоми», свежие овощи и фрукты, марочные вина, водка и коньяк, а также все то, что может пожелать богатое воображение морского офицера.

Наши начальники обладали им в достаточной мере и помощник командира, он же старший кают-компани, регулярно отряжал нас с Витькой в город, снабдив увольнительными билетами списком необходимого (за исключением спиртного) и соответствующей денежной суммой.

Как правило, эти вояжи осуществлялись сразу же после завтрака, и до обеда мы возвращались на плавбазу, затаренные всем необходимым.

Доставленная провизия помещалась в холодильник и буфет, а с неистраченной части суммы мы получали небольшую премию.

Когда она накапливалась в необходимом количестве, при очередном сходе на берег мы приобретали для себя пару бутылок портвейна «Три семерки», по дороге назад заходили в расположенный рядом с портом обширный парк и, расположившись где-нибудь в укромном месте, посасывая портвейн, предавались философским беседам.

В это погожее утро настроение у нас лирическое, мы не прочь совершить променады в город, но уже почти неделю помощник нас туда не отправляет.

– Слышь, Валер, – прекращает Витька долбить пальцами по клавишам и захлопывает крышку рояля. – А давай его сподвигнем, а?

– Это как?– вскидываю глаза на приятеля.

– Очень просто, – белозубо скалится Витька, подходит к встроенному в переборку буфету и извлекает из него десяток ножей и вилок. Затем он направляется к ближайшему иллюминатору, высовывает в него круглую башку и, поглядев по сторонам, швыряет их за борт.

– Буль, – весело доносится оттуда, и Витька довольно шмыгает носом.

– Ты че, совсем охренел? – делаю я большие глаза и вскакиваю с дивана.– А чем офицера жрать будут?!

– Верно мыслишь, – многозначительно поднимает вверх палец Витька.

– Пошли к помохе*.

Спустя пару минут, шаркая кожаными тапочками по ковровому линолеуму, мы топаем по длинному коридору офицерской палубы и останавливаемся перед одной из кают, где по ночам изредка обитает помощник. Сегодня он там и с утра что-то долбит на машинке.

– Тук, тук, тук, – легонько стучит Витька костяшками пальцев в металлическую дверь и осторожно нажимает входную ручку.

– Прошу разрешения, товарищ капитан-лейтенант.

– Валяй! – доносится изнутри, и мы переступаем высокий комингс.

– Ну? – отрывается от машинки недовольный капитан-лейтенант. – Чего пожаловали?

– Так что, офицера опять растащили столовые приборы,– пялясь на помощника честными глазами, сокрушенно разводит руками Витька.

– Ага, растащили, – подпрыгаюсь я и тяжело вздыхаю.

– Опять, говорите? – недоверчиво косится на нас Михал Иваныч и начинает барабанить пальцами по столу. – И много?

– Считаю половину. Бухают по ночам в каютах и требуют тарелки и приборы, а потом в иллюминатор все выкидывают, вы ж сами знаете.

– Ну, это не вашего ума дело! – повышает голос помощник и тянется волосатой рукой к сейфу. – Вот, держи,– извлекает оттуда радужную кредитку и сует ее Витьке. – Топайте в город и купите новые.

Потом он выписывает нам увольнительные, шлепает на них корабельную печать и машет рукой – идите.

– Есть! – скрывая радость, бодро вякаем мы и быстро покидаем каюту.

– Ну вот, а ты глупенькая боялась, – подначивает меня Витька словами из анекдота и, радостно гогоча, мы мчимся в баталерку переодеваться.

Спустя десять минут, облаченные в отутюженные клеши и форменки и сдвинув на затылок щегольские бескозырки, мы звеним подковками надраенных до зеркального блеска хромачей по верхней палубе, тычем в нос верхневахтенному увольнительные и, козырнув развевающимся на корме флагу, быстро скатываемся с крутого трапа плавбазы на причал.

Миновав его обширную пустоту, дружно рубим шаг по деревянному тротуару КПП с дремлющей у закрытого шлагбаума вооруженной допотопным наганом ВОХРой и выходим на одну из припортовых улиц.

Она застроена двухквартирными щитовыми домами с цветущей в палисадниках сиренью и в ее душистом запахе мы следуем дальше.

Вскоре улица заканчивается, ее сменяет массив новостроек, и мы оказываемся в городе. В эти утренние часы он просторен, чист и безлюден. Изредка по широким, обсаженным деревьями проспектам проносятся полупустые пассажирские автобусы или военные грузовики, редкие прохожие следуют по своим делам.

И это не удивительно. Практически все население Северодвинска – судостроители и военные моряки, занимаются своей повседневной деятельностью в цехах засекреченного СМП*и в море, а вернувшиеся оттуда отдыхают.

У центрального универмага мы пытаемся завести знакомство с двумя явно скучающими симпатичными девчонками, но дальнейшему разворачиванию событий мешает появившийся неподалеку патруль.

– Ко мне! – делает нам знак рукой монолитно шагающий в центре здоровенный старший лейтенант, и под задорный смех девчат мы быстро рысим к блюстителям порядка.

За несколько шагов до них переходим на строевой шаг, бросаем руки к виску и принимаем подобие строевой стойки.

– Тэ-экс, – критически окидывает нас взглядом старлей, – документы.

Стоящие с двух сторон от него курсанты местной школы мичманов делают начальственные рожи и ухмыляются.

Мы с Витькой извлекаем из рукавов форменок военные билеты с вложенными в них увольнительными и поочередно протягиваем их начальнику.

– Так откуда вы сюда прибыли? – перелистывает страницы офицер.

– Из Гаджиево, для приемки нового корабля.

– Ну-ну, – благодушно гудит он и похлопывает нашими книжками по ладони. – А почему в увольнении во время боевой подготовки?

– Направлены помощником командира для хозяйственных покупок.

– И вместо этого трепитесь с девицами?

– Да это мы так, между делом.

– А еще, товарищ старший лейтенант, у них форма неуставная, – подобострастно заявляет один из курсантов. – Клеша заширены, а форменки заужены. Непорядок.

– Ладно, Яковлев, не сепетись, послужишь и у тебя такие будут, – осаживает уставника начальник.

– Можете быть свободными, – возвращает нам документы, а его подчиненные изображают разочарование.

Когда патруль удаляется, мы с Витькой облегченно вздыхаем и топаем в универмаг, от греха подальше.

– А сундучонок* то с гнильцой, – недовольно брюзжит Витька. – Надо его отловить в субботу в увольнении и накидать банок.

– Надо, – соглашаюсь я. – Что б служба раем не казалась.

Купив все необходимое, решаем снять возникший от нежелательного общения с патрулями стресс и тенистыми переулками направляемся в расположенный неподалеку от парка небольшой магазинчик.

В нем, у знакомой продавщицы, покупаем две бутылки портвейна и пару плавленых сырков, после чего ныряем в парк, где находим заветную лужайку. Она покрыта зеленой травой, окружена цветущей сиренью и практически скрыта от посторонних глаз.

Там мы усаживаемся на прогретую солнцем землю, скovyриваем с горлышек жестяные кепочки и не спеша смакуем вино. Оно терпкое, пахнет мускатом и приятно освежает. Затем сдергиваем фольгу с сырков, и неспешно закусываем.

– Хорошо, – щурит выпуклые глаза Витька.

– Не то слово, – киваю я, и мы снова прикладываемся к бутылкам.

Портвейн чуть туманит наши головы, мы закуриваем и лениво перебрасываемся словами.

Высоко в небе плывут белоснежные облака, где-то в заливе грустно кричат чайки, на душе благостно и спокойно.

– Вот так бы и припухал до самого ДМБ, улегшись на спину и заложив руки за голову, – мечтательно бормочет Витька.

– Хорошо бы, – соглашаюсь я с приятелем. – Полтора года припухать не хило.

После этого мы надолго замолкаем, и каждый думает о своем.

Ровно в полдень, когда солнце стоит в зените, мы возвращаемся на плавбазу и отчитываемся перед помощником о покупках.

– Молодца, хорошо служите, – кивает он рыжей головой. И вручает нам премиальные – серебряный рубль.

Чайный клипер

– Ух ты! – раздаются восхищенные возгласы в кубрике, и в углу затихает грохот костяшек. Стоя в центре, штурманский электрик Серега Антоненко победно оглядывает сослуживцев, а те, возбужденно сопя и отталкивая друг друга, окружают стоящий перед ним раскладной стол.

На нем, в мягком свете подвальных плафонов, словно возникший из рассказов Грина, красуется парусник, а точнее его модель, искусно выполненная из дерева, меди и других материалов.

Стремительные обводы корпуса, стройные с парусами мачты и туго натянутый такелаж, создают иллюзию движения, что всем очень нравится.

– Слышь, Серега, это че, фрегат? – восхищенно пялится на парусник, пробившийся в первый ряд боцман Мишка Осипенко.

– Не, – солидно гудит Серега. – Это чайный клипер.

– Чего, чего? – раздаются сразу несколько голосов. – Какой на хрен клипер?

У стола возникает оживленный спор, все начинают громко орать и каждый отстаивает свое мнение.

Смирна-а! – внезапно по петушину голосит стоящий у входного люка дневальный с повязкой «РЦБ» на рукаве форменки и в помещении, сойдя с трапа, возникает среднего роста, сухощавый капитан 2 ранга в сопровождении дежурного офицера.

Шум сразу же затихает, все изображая строевую стойку и едят глазами начальство.

– Что за шум? – чуть сутулясь и заложив руки за спину, окидывает моряков взглядом капитан 2 ранга.

– Так что разрешите доложить! – по рачьи пучит глаза выступив вперед строевой старшина Жора Юркин. – Тут Антоненко притащил модель парусника, ну и возник спор, какого он типа.

– Парусника говоришь? – высоко вскидывает брови офицер. – Ну-ка, ну-ка посмотрим.

Стоящие у стола подаются в стороны, старпом (такую должность отправляет капитан 2 ранга на корабле) подходит к нему, осторожно берет модель в руки и с интересом рассматривает.

– М-да, – в наступившей тишине, через минуту произносит он. – Точная копия «Катти Сарк», причем мастерски выполненная. Антоненко, ты где ее взял?

Серега мнетя, переступает с ноги на ногу и мычит что-то нечленораздельное.

– Ты где взял модель, лишенец! – делает зверскую рожу дежурный.

– Я это, выменял ее на свой жетон «За дальний поход» в школе мичманов, – тяжело вздыхает Антоненко и опускает голову.

– Так он же у тебя наградной, – укоризненно произносит офицер. – Как можно?

– Походы еще будут, – шмыгает носом Серега, – и жетоны тоже. А вот такого, – кивает он на парусник, – я больше не найду. Штучная работа.

– Может отправить его на гауптвахту? – наклоняется дежурный к старпому, – за промотание, так сказать, казенного имущества?

– Да нет, жетон у этого бойца именной, – чуть улыбается старпом. – О чем имеется запись в его военном билете. А посему он вправе им распорядиться. Так, значит, любишь парусники, Антоненко? – бережно ставит модель на стол.

– Люблю, – потрянув русым чубом, с чувством отвечает Серега. – Очень уж они красивые, как мечта.

– Ну что ж, в таком случае береги свой чайный клипер. Глядишь, он принесет тебе удачу. Окружающие стол моряки начинают перешептываться, подталкивать друг друга локтями и вперед снова выходит Юркин.

– Товарищ капитан 2 ранга, – обращается он к старпому, – тут ребята интересуются, что это за чайный клипер, мы о таких никогда не слышали. Думали того, Антоненко заливаает.

Старпом на минуту задумывается, поддегивает рукав тужурки и смотрит на наручные часы, а потом кивает всем на рундуки – садитесь.

Сам он тоже присаживается за стол на поданную дневальным разножку, снова внимательно смотрит на летящую модель парусника и приступает к рассказу.

– Перед вами, парни, модель чайного клипера. Клипер был спроектирован Геркулесом Линтоном и построен в 1869 году в шотландском городе Дамбартон по заказу капитана Джона Уиллиса, имевшего прозвище «Белый цилиндр».

Капитану требовался самый быстрый корабль в мире для перевозки чая из колонии Британии – далёкой Индии.

Конструктивно это был композитный корабль: остов – из ковкого [чугуна](#), обшивка – из [тика](#) и особой породы [вяза](#). Дно судна ниже ватерлинии было обшито пластинами из сплава [меди](#) и [цинка](#).

Интересна история его названия. В переводе с шотландского «Катти Сарк» – «Короткая рубашка». Будущий владелец клипера, Джон Уиллис, зайдя в одну из картинных галерей, увидел картину, изображающую молодую [ведьму](#) в короткой ночной рубашке, летящую над болотами на [шабаш](#). Судовладелец влюбился в картину (а может быть и в ведьму). Когда он решал, как назвать корабль, то сначала хотел дать ему имя ведьмы.

Однако моряки – народ суеверный, и на корабль, носящий такое имя, невозможно было бы набрать экипаж. Тогда и пришла Уиллису в голову идея названия, которое бы и не раздражало суеверных, и соответствовало его желанию. Ну а в носовой части установили фигуру этой красавицы.

Клипер использовался для доставки [чая](#) из [Китая](#), в то время, представлявшей из себя беспощадную [конкурентную](#) гонку вокруг земного шара из Китая в [Лондон](#).

Призом была существенная разница в прибыли получаемая тем, кто привозил первый чай нового урожая.

В этой гонке «Катти Сарк» не выделялась ничем особенным. Известность ей принесло состязание на скорость с клипером [«Фермопилы»](#) в [1872 году](#). Оба судна одновременно вышли из [Шанхая 18 июня](#), однако через две недели «Катти Сарк» потеряла руль и в результате прибыла в Лондон на неделю позже «Фермопил» – 18 октября, затратив на путешествие 122 дня.

Тем не менее, клипер навсегда вошел в историю благодаря тому, что после аварии капитан не сдался, а принял решение продолжить гонку, соорудив импровизированный руль в открытом море (вместо того чтобы сойти с дистанции на ремонт в порт), и при этом отстал всего на одну неделю.

Впоследствии клиперы были вытеснены пароходами, которые хотя и были медленнее, но обеспечивали стабильные поставки чая через открывшийся [Суэцкий канал](#).

После этого «Катти Сарк» отлично зарекомендовала себя на перевозках шерсти из [Австралии](#), добираясь до Англии за 67 дней. Утверждается, что в свои лучшие времена она могла пройти 360 морских миль за сутки, что может считаться рекордом для судов такого размера.

В [1895](#) капитан Уиллис продал судно португальской компании «Ферейра». После этого судно ещё несколько раз перепродавали, переоборудовали, пока в [1922 году](#) «Катти Сарк»

не была куплена капитаном Уилфредом Доуменом, который восстановил ее исходный вид и оснастку и начал использовать клипер в качестве стационарного учебного судна.

Вопреки суевериям, «Катти Сарк» ожидала самая счастливая судьба из всех чайных клиперов. Она не пропала в море и не была разобрана, а поставлена в [1954 году](#) на вечную стоянку в сухой док Гринвича.

Вот такая история, парни.

После этих слов в кубрике воцаряет тишина, и только слышно как за бортом тихо плещут волны. Может они тоже что-то рассказывают?

Заслуженный отпуск

– Вольно-о! Разойдись! – гремит металлом динамик с высокой рубки плавбазы и выстроенные вдоль ее бортов сине-белые шеренги рассыпаются.

Сегодня воскресенье и после завтрака и подъема флага, одни готовятся к желанному увольнению и сходу на берег, а вторые, как говорят, пустому времяпрепровождению.

Мы с Витькой Допиро и Славкой Гордеевым относимся к последним и, засунув руки в карманы роб, лениво шаркаем в корму, предаться страсти табакокурения у наполненного водой обреза.*

На флоте она культивируется, и нам даже выдают табачное довольствие.

«На палубе матросы,

Курили папиросы,

А Славке дураку,

Не дали табаку!»

отбив у обреза дробную чечетку, весело поет Витька и выщелкивает из пачки себе и мне по беломорине.

– Сам дурак, беззлобно бубнит Славка, ловко умыкает у Витьки всю пачку и, чиркнув спичкой, дает нам поочередно прикурить.

Потом мы усаживаемся на одну из стоящих здесь же раскладных скамеек, вольготно вытягиваем ноги и, попыхивая дымком, с интересом пялимся на залив.

По его фарватеру, проходящему в двухстах метрах по правому борту, оставляя за собой пенный след, со стороны завода ходко несетя белоснежная моторка.

– Узлов пятнадцать чешет, – пожевав мундштук папиросы, флегматично заявляет Допиро. – Видать начальство гулять поехало.

– И та так же шла, – смачно харкает в обрез Славка. – А потом раз и нету. Картина Репина «Приплыли».

С месяц назад, когда залив только что очистился ото льда, по нему мимо наше плавбазы так же несся военный катер. Потом раздался треск, катер взлетел на воздух, взвыл винтом и перевернулся. Из воды выудили двоих, а третий – моторист, потонул.

Как выяснилось потом, суденышко налетело на топляк, такие часто плавают в Белом море.

На этот раз топляка не оказалось, распуская широкие усы моторка прошла мимо, и мы разочарованно вздыхаем.

Потом нас привлекает какое-то движение у высящихся неподалеку шлюпочных роств и, покидав бычки в обрез, мы направляемся в ту сторону.

Под висящей над палубой шлюпочкой, на корточках сидят два плавбазовских матроса и о чем-то оживленно дискутируют. При нашем появлении они встают тоже суют руки в карманы и принимают независимый вид.

– Привет, кореша, – кивает рыжеволосой головой Витька. – О чем базар, может потравим вместе?

– Здорово Витек, – щербато улыбается один из плавбазовских и протягивает руку, – держи краба.

Они обмениваются рукопожатием, затем обе стороны представляются друг другу и новые знакомые показывают нам предмет дискуссии.

В одну из досок палубы, в тени шлюпки, вогнана тонкая стальная пика, с насаженными на нее тремя крысами. Две нижних не показывают признаков жизни, а верхняя сучит лапками и медленно вращается по оси.

– Ни хрена себе, – брезгливо косимся мы на плавбазовских. – Вы че, живодеры?

– Не-а, – довольно ухмыляется щербатый Санька, а второй, который представился Мишкой, делает обиженную мину.

Тогда зачем изгаляетесь над тварями? Пришибли бы и все дела.

– Это, – значительно тычет Санька пальцем в крыс, трое суток отпуска.

– ?!

– Ну да, – поддерживает приятеля Мишка. – С выездом на родину.

– Это вы че, серьезно? – все еще не веря переспрашиваем мы. – За крыс отпуск?

– Серьезней не бывает, – смеются парни. – Вы ж знаете, сколько их на этой коробке*, тихий ужас.

Крыс на плавбазе действительно великое множество. Днем они дрыхнут в ее бездонных трюмах, а по ночам поднимаются наверх и делают набеги на судовые склады, провизионки, каюты офицеров и матросские кубрики. Причем жрут эти твари все, начиная от макарон и круп и заканчивая яловыми сапогами и полихлорвиниловыми оплетками электрокабелей. Иногда нам удается пристукнуть серых разбойников, но редко.

Кто-то из местных рассказывал, что на судне несколько раз заводили кошек, но крысы употребили и их. Такие вот дела.

– А отпуска за крыс у нас на коробке* дают давно, – продолжает Санька. – За каждую добытую одни сутки. Но нужно ухлопать не меньше десятка. Тогда кэп * издает приказ и тютю, кати на родину, как отличник боевой и политической подготовки.

– А кто и как их учитывает? – заинтересованно косится на крыс Славка.

– Кто-кто, – подойдя к леерам, сплевывает за борт Мишка. – Сам командир лично.

– Травишь, – с сомнением поглядываем мы на Мишку. – Будет ваш кэп заниматься такой хренью.

– Сами вы хрень, – обижаются плавбазовцы. – Наш интендант в трансе, сколько эти твари сжирают продуктов, не успевают списывать. К тому же они регулярно грызут кабели и в судовой электросистеме часто бывают сбои. А это, как известно, чревато, особенно в море.

– М-да, резонно, – соглашаемся мы. – Так как все-таки организован учет?

– Да очень просто, – хитро щурит глаза Санька. – Каждая добытая особь, после подъема флага доставляется кэпу на мостик, там он ее записывает в специальный конduit, после чего, в его присутствии, крыса выбрасывается за борт. Раньше можно было приносить крысиные хвосты, которые после записи выбрасывались в иллюминатор. Но нашлись умельцы и стали ловить их сачком из нижнего. Их быстро вычислили и систему поменяли. Нашего кэпа хрен обуешь.

– И что, отпуск всегда дает, не зажиливает?

– Всегда, – дружно кивают головами плавбазовцы. – Вон Мишка, -хлопает Санька по плечу приятеля, – гостил у себя в деревне на Вологодщине целых десять суток.

– Ага, – довольно растягивает в улыбке губы Мишка. – В первый день, вечером, собрали всю родню. Папаня спрашивает, – за что мол отпуск, сынок. А я возьми и ляпни, за крыс. Хорошо не поверили.

– Да, потфартило вам, – завистливо вздыхаем мы. – Ухлопал десяток крыс и кати в отпуск. А тут служишь как бобик и хрен чего дадут.

– Не скажите, – заботливо осматривает усопшего наконец грызуна Санька. – Очень уж хитрые это твари, пока ухандокаешь семь потов сойдет.

– А как вы их того, хандокаете? – живо интересуемся мы.

– О, тут целая наука, – солидно отвечает Мишка. – Нужна твердая рука, точный глаз и вот такая пика. Для начала учимся ее метать в трюмах в цель, а когда поднатвореем, берем с собой на ночные вахты, выслеживаем добычу и устраиваем на нее охоту.

– Навроде папуасов в джунглях! – радостно хохочем мы. – Это ж надо!

– И ничего смешного –жимают плечами Санька с Мишкой.

– Кстати, если есть желание, можете ночью заглянуть в котельную, сами все увидите.

– Идет, – соглашаемся мы, желаем парням дальнейших успехов и топаем в сторону своего кубрика.

Там пушечно ухают костяшки домино, кто-то в углу бренчит на гитаре, в трубах отопления тонко шипит пар.

Далее все идет по воскресному распорядку. Обед, здоровый сон, выступление какого-то лектора из политотдела, а потом ужин, просмотр нескольких кинофильмов и отбой.

Когда в кубрике все затихает и из разных его концов доносится разноголосый храп, мы с Витькой выбираемся из подвесных коек и, сунув ноги в тапки, пытаемся разбудить Славку. Тот кемарит внизу на рундуках, брыкается и просыпаться упорно не желает.

– Ну и хрен с ним, – зевает Витька, – пойдем сами.

В синем свете ночного освещения мы минуем бдящего у входного люка дневального, осторожно карабкаемся вверх по крутому трапу и направляемся по средней палубе в носовую часть судна. Миновав несколько водонепроницаемых дверей мы оказываемся в мрачном, тускло освещенном несколькими плафонами помещении, под которым находится котельная.

Под ногами чуть вибрирует теплый металл палубы, слышен запах перегоревшего соляра и размеренный шум механизмов.

– Шуруют ребята, – прислушавшись говорит Витька. – Обеспечивают нас условиями.

– Ну да, – говорю я, – шуруют, – после чего подхожу к тяжелой двери в котельную, проворачиваю тугой клинкет, тяну ее на себя и мы поочередно переступаем высокий комингс.

Перед нами небольшая металлическая площадка, с вертикальным металлическим трапом, а внизу хитросплетенье судовых трубопроводов, машин и механизмов.

Все они вертятся, трясутся, попыхивают дымком и создают непередаваемую какофонию звуков. Температура в котельной градусов на двадцать выше, чем в других помещениях и мы чувствуем, как наши тела покрываются испариной.

Да, вахта тут не мед! Наклонившись к моему уху орет Витька, а я чихаю от душного запаха машинных выхлопов.

Но внизу не только работающий металл. По блестящим от масла, ярко начищенным пай-олам* переходов, в одних трусах и тапках, отсвечивая потным торсом, с пикой в руке осторожно ступает вахтенный и внимательно озирается по сторонам.

Внезапно его внимание что-то привлекает, пика взлетает в воздух и с лязгом рикошетит от одного из пиллерсов.

– Промазал! – снова орет мне в ухо Витька, и мы продолжаем наблюдение.

За те четверть часа, что мы проводим на верхней площадке, парень внизу еще трижды мечет свою пикку в появляющиеся в рассеянном свете тени, и все безрезультатно.

– Да, это уж точно не сафари, – думаю я и, утерев со лба обильный пот, толкаю Витьку в бок, – пошли отсюда!

– Ага! – тяжело сопит тот, и мы вываливаемся из котельной в прохладу переходного коридора.

– Ну и как тебе такая охота? – блестя потной мордой, интересуется Витька?

– В гробу я ее видел, пошли спать.

А через неделю, вернувшись после ракетных стрельб с моря, мы с Витькой встречаем в увольнении Мишку.

– Здорово, – радостно приветствуем мы его. – А где же твой кореш Санька?

– Как где, в отпуске, – довольно отвечает тот. – Последняя охота была удачной. Ну, а как у вас? Мы слышали, отстрелялись на отлично.

– Отстрелялись, – киваем мы с Витькой.

– Ну и что, кому-нибудь из ребят отпуска дали?

– Не-а, – отрицательно вертим мы головами и почему-то хохочем.

Канал звукового скачка

– Итак, надеюсь, всем все ясно? – мягко ступая кожаными тапочками по надраенным до блеска пайолам*, в последний раз дефилирует перед нами командир БЧ- 3 капитан-лейтенант Мыльников, затем плюхается в привинченное к палубе кресло вахтенного и ловко бросает в рот очередной леденец.

– Точно так, ясно, – набычившись басит с высоты своего роста, стоящий на правом фланге старшина команды Олег Ксенженко, а мы с Саней Порубовым и трюмный Леха Губанов, молча киваем черными пилотками.

– Ну, тогда все, разойтись по боевым постам и продолжить проворот оружия.

Мы с Саней тут же ныряем под тянущиеся вдоль бортов направляющие балки стеллажей и начинаем возиться со своими торпедными аппаратами, Олег устраивается в вертящемся кресле стрельбового пульта, экран которого расцветивается призрачным светом мнемосхем, а Леха, звякая трапом, лезет вниз, к своему компрессору и помпам.

Минут двадцать в отсеке слышны только щелканье приборов установки глубины, режима хода и маневрирования торпед, тихий писк электроники, да монотонный гул корабельной вентиляции, изредка нарушаемый командами «бычка»*, потом следуют доклады о завершении операций и Сергей Ильич удовлетворенно смотрит на свои «Командирские».

– Товарищ капитан-лейтенант, – вырубив электропитание пульта, разворачивается в кресле старшина команды. – А нельзя ли поподробнее, что это за звукоподводная связь? Я, например, о такой никогда не слышал.

– И мы с Королевым тоже, выбираясь со своего борта и вытирая руки ветошью, – поддерживает Олега Саня Порубов.

– И не мудрено, – забросив ногу на ногу, многозначительно вещает Сергей Ильич.

– Сие можно сказать, тайна за семью печатями, и о ней мало кто знает. Мы, кстати, после выхода тоже должны забыть, о том, что имели к этому хоть какое отношение.

– Само собой, – пожимает широченными плечами Олег, а мы с Саней делаем решительные лица.

К режиму секретности мы приучены давно.

Секретными были спецдисциплины в учебных отрядах и атомном центре, где мы изучали новую технику, засекречен тот корабль который мы сейчас испытываем, жесткий режим секретности на заводе, откуда он выходит в море. К этому мы привыкли и воспринимаем все как должное.

– Итак, небольшой ракурс в историю, – поудобнее устроившись в кресле, солидно изрекает «бычок».

–Что такое связь, вам объяснять не надо.

Все предшествующие войны и особенно на море, с очевидностью показали, что надежная и бесперебойная связь, залог успеха в любом сражении. Особенно это характерно для подводного флота, на котором мы имеем честь служить.

В начале Второй мировой войны, благодаря более совершенным средствам связи, немецкие кригсмарине успешно оперировали практически на всех стратегически важных морских коммуникациях, и фактически блокировали деятельность американцев и англичан в Атлантике.

Тактика известных вам «волчьих стай», стала возможной в результате блестяще отлаженной и зашифрованной связи немецких субмарин между собой и с берегом.

Однако в мае 1941 года, англичанам удалось захватить германскую подлодку U-110, а также имевшийся на ней шифратор «Эмигма», использовавшийся при сеансах связи.

Причем все это осталось втайне, немцы считали что лодка погибла.

В итоге, заполучив секретные коды и шифры, союзники получили возможность дешифровки переговоров немецких субмарин на боевых позициях и с этого момента кригсмарине стали нести значительные потери, что в конечном итоге привело к их поражению в подводной войне в Атлантике.

– А жаль, – хмуро басит внимательно слушающий Олег. – Не люблю англичан и америкосов.

– И я тоже, – с хрустом разгрызает извлеченную из кармана сушку Саня. – На атомных лодках у них по три экипажа, получают курвы раз в десять больше нас и в море ведут себя по хамски.

– Совершенно центрально, – качает лобастой головой Сергей Ильич и продолжает дальше.

– После окончания Второй мировой войны и бурного развития атомного подводного флота, лучшие технические умы морских держав стали работать над вопросом разработки новых средств связи. И это понятно, поскольку и сейчас связь является наиболее уязвимым местом в боевой деятельности любой атомной субмарины.

– Это точно, – замечает со своего места Ксенженко. – Когда я служил на торпедной лодке в Западной Лице, на последней боевой службе, в Северной Атлантике, при всплытии на сеансы связи, нас дважды засекали НАТОвские «Орионы».

– Вот-вот, – многозначительно поднимает вверх палец капитан-лейтенант. – И это обычное дело. А что такое обнаружение вражеской подводной лодки на боевой позиции в военное время?

– Немедленное ее уничтожение силами ПЛО* – дружно отвечаем мы с Порубовым.

– Правильно мыслите, – соглашается «бычок». – И что из этого следует?

– Нужен предельно скрытый канал связи, – констатирует Олег.

– Именно! – подпрыгивает в кресле Сергей Ильич. – И таковой имеется, называется каналом «звукового скачка».

Впервые я услышал о нем в бытность курсантом «ленкома»*, на одной из лекций, что читал нам по основам гидроакустики маститый профессор из одного закрытого НИИ. Оказывается в Мировом океане, на различных глубинах существует что-то вроде подводного течения, опоясывающего весь Земной шар, в котором звук распространяется в десятки раз быстрее чем в воздухе.

– Это ж надо? – с интересом пучим мы глаза. Фантастика!

– Отнюдь, – невозмутимо отвечает «бычок». – Научно установленный и технически доказанный факт.

– И как же это установили? – вякает со своего борта Саня.

– Достаточно просто. В одной из обнаруженных точек или как говорят в научном мире «слое звукового скачка» взорвали контрольный заряд. И спустя считанные секунды, обогнув весь Земной шар, звук был зафиксирован специальной аппаратурой в этом же самом месте.

– Здорово, – ошарашенно бормочем мы. – Чего только нету в Океане.

– Ну да, – значительно говорит Сергей Ильич. – На сегодня, к сожалению, он изучен меньше Космоса.

– Так что же это получается? – морщит лоб Олег. – Выходит что подлодка, коммутируясь в этот самый звукопроводный слой и, находясь в любой точке, может безопасно выходить на связь?

– Ну-да кивает Сергей Ильич.– Дело, как говорят, за малым. Глубины залегания этого слоя везде разные и сначала их нужно вычислить. И над этим активно работают закрытые НИИ у нас и на Западе.

Далее в отсеке наступает тишина, мы перевариваем полученную информацию и проникаемся важностью предстоящего выхода в море.

Еще бы, на нашем подводном крейсере, возможно впервые в мире, будет испытана звукоподводная связь.

Этому, кстати, и был посвящен состоявшийся час назад в отсеке инструктаж.

Исходя из него, ночью на лодку должны прибыть специалисты из Ленинграда с секретной аппаратурой, которая будет размещена рядом с гидроакустической станцией на средней палубе первого отсека.

С момента принятия их на борт, допуску в отсек подлежит строго определенный круг лиц, в числе которых представители штаба соединения, командир, старпом и офицер особого отдела.

Затем планируется выход корабля в один из полигонов Белого моря, из глубин которого он будет выходить на связь с находящимися в другом районе дизельной подводной лодкой, эскадренным миноносцем и самолетом.

Примерно в 23 часа на корабле играет тревога, вслед за которой следует команда «швартовным командам подняться наверх».

Там, на ярко освещенном пирсе, уже стоит военный «УАЗ» с тентом, у которого о чем-то беседуют наш командир и двое мужчин в синих комбинезонах.

– Сергей Ильич! – слышится глуховатый басок. – Прикажи погрузить аппаратуру через люк первого!

– Есть! – бросает руку к пилотке «бычок» и делает нам знак, – вперед!

Носовая швартовная в полном составе гремит сапогами по трапу и шустро рысит к машине.

– Только поосторожнее ребята, – просит старший из мужчин, когда мы открываем задний борт и извлекаем из кузова несколько металлических блоков в чехлах и еще какие-то ящики и шкатулки.

– Ксенженко, и что б никаких лишних в отсеке, гнать всех в шею, – попыхивает сигаретой командир, и Олег молча кивает.

Спустя десять минут груз покоится на средней палубе первого отсека, куда сопя, спускаются и спецы, а мы снова выскакиваем наружу, и Олег задраивает тяжелый люк.

– Отдать носовой! – металлически лает с рубки мегафон и мы сбрасываем с лодочных кнехтов упругие стальные петли, затем то же происходит в корме, и, взметая по бортам высокие гейзеры воды, плавно отходит от пирса.

По борту проплывают заводские элленги и цеха, с синими вспышками сварки (на заводе работают и ночью), химеры порталных кранов и черные корпуса стоящих в ремонте лодок с включенными стояночными огнями.

Потом справа открывается полуостров Ягры, с мерцающими на фарватере створными огнями и наш «Буки» выходит из залива в открытое море.

– Турбины средний ход! – слышится с мостика команда. – Приготовить надстройку к погружению! – и мы разбегаемся по палубе...

– Глубина 200 метров, осмотреться в отсеках! – загорается на пульте рубиновый огонек, и Олег, читавший какой-то формуляр, встает из кресла и начинает проверку запорной арматуры*.

Первый час ночи, я сдал ему вахту, но спать не хочется. Так часто бывает в первые сутки выхода в море, а потом все становится на свои места.

Кстати, за всю, достаточно насыщенную приключениями жизнь, мне приходилось спать в самых экзотических местах, включая монгольскую степь, сибирскую тайгу и глубокие донецкие шахты. И нигде сон не был столь глубок и сладостен, как в морских глубинах. Правда, он часто прерывался ревуном боевой тревоги, но тем не менее.

Может быть это от того, что от вечности тебя отделяют несколько сантиметров стального корпуса? Или что другое? Я не знаю.

Между тем, со средней палубы доносятся тихие голоса и звяк металла. Там, принятые на борт специалисты, устроившись на разnojках, монтируют свою аппаратуру.

– Ну, чего они там? – интересуюсь я у старшины команды, когда после осмотра нижних помещений его голова появляется в люке.

– Да химичат что – то, – бормочет он и, выбравшись на палубу, неспешно направляется к «каштану».

– Первый осмотрен, замечаний нет, глубина 200 метров! – нажимает на пульте тумблер.

– Есть первый! – весело мигает рубиновая лампочка, и мичман снова усаживается в кресло.

– Сходить посмотреть, что ли? – киваю я на люк, и он благодушно кивает головой – сходи.

Поддернув штаны, вразвалку направляюсь к кормовой переборке, под ногами звякает вертикальный трап, и я спускаюсь на среднюю палубу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.